

Juan Ramón
JIMÉNEZ

Eternidades

San Petersburgo
«SEVERO-ZAPAD»
1994

Хуан Рамон
ХИМЕНЕС

Вечные мгновения

Санкт-Петербург
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1994

ББК 84.4 Ис
Х46

*Составление, вступительная, статья,
примечания В. Андреева*

Художник Вадим Пожидаев

Хименес Х. Р.

Х 46 Вечные мгновения: Стихотворный сборник/Пер. с исп.; составл., вступ. статья, прим. В. Андреев. — СПб.: Северо-Запад, 1994. — 479 с.

ISBN 5-8352-0333-0

Хуан Рамон Хименес (1881 — 1958) — один из крупнейших поэтов Испании, лауреат Нобелевской премии (1956). Настоящий сборник «Вечные мгновения», выходящий на испанском и русском языках, составлен на основе «Третьей поэтической антологии», над которой Хименес работал незадолго до смерти и в которую включил лучшее из того, что было им создано более чем за полвека. Ряд переводов в сборнике публикуется впервые.

*Всякое коммерческое издание данного сборника
возможно исключительно с ведома издателя.*

© В. Андреев,
составление, вступительная статья
и примечания, 1994

© В. Пожидаев, оформление, 1994

® СЕВЕРО-ЗАПАД. Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0333-0

«О СТРАСТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ - ПОЭЗИЯ...»

Стихотворению «Бродят души цветов под вечерним дождем» (El alma de las flores divaga entre la lluvia), которое включено в эту книгу, предпослан эпиграф, подписанный инициалами: Х. Р. Х. (J. R. J.). Проницательный читатель, конечно, сразу поймет: автором эпиграфа является сам Хуан Рамон Хименес. Но если бы эти инициалы встретились русскому читателю «вне контекста», то он вряд ли смог бы расшифровать их. А вместе с тем для испанского читателя такая аббревиатура не представляет никакой загадки. В Испании существует обычай писать только инициалы тех людей, что известны всем и каждому. А Хуан Рамон Хименес действительно известен в Испании каждому чуть ли не с колыбели, — как у нас, например, Пушкин.

И если кто-то скажет просто: «Поэт из Могера», — всем понятно, что речь идет именно о Хименесе.

Могер — это крохотный городок в Андалусии, на юго-западе Испании. В этом городе и родился — 23 декабря 1881 года — Хуан Рамон Хименес. Он прославил свою «малую родину» и во многих стихах, и в удивительной, уникальной прозаической книге «Платеро и я». Город, о котором в XIX веке и в самой-то Испании мало кто знал, с начала XX столетия стал известен во всем мире.

Хименес рано осознал, что он — поэт. Ему не было и шестнадцати, когда в испанских журналах появились его первые стихи. А первые книги — «Души фиалок» (Almas de violeta) и «Кувшинки» (Ninfeas) — он выпустил в 1900 году.

Что такое поэзия? Едва ли не все поэты — и в стихах, и в прозе — пытались ответить на этот вопрос. В разные годы по-разному отвечал на него и Хуан Рамон Хименес.

Критиком самого себя он был всегда беспощадным — он мог отречься от того или иного своего стихотворения, мог решительно заявить: «Все написанное — черновик»... Но он не мог существовать «вне поэзии». В конце жизни Хименес написал: «Поэзия всегда была самой сутью моей».

Кто был его литературным учителем? Можно сказать: вся мировая поэзия. Хименес был страстным книголюбом. На страницах его стихотворных сборников — строки из Данте, Шекспира, Камюэнса, Манрике, Гонгоры, Ронсара, Гете, Байрона, Шелли, Гюго, Лафорга, Верлена, Рембо, Кардуччи...

Из испанских поэтов-предшественников более всего близок Хименесу, пожалуй, Густаво Адольфо Беккер (1836 — 1870). Надо отметить, что творчество Беккера в целом оказало большое воздействие на испанскую поэзию первой половины XX века. Известный литературовед-испанист З. И. Плавский пишет: «Завершая развитие романтического искусства, творчество Густаво Адольфо Беккера пролагало пути новаторскому искусству Хуана Рамона Хименеса, Антонио Мачадо, Федерико Гарсиа Лорки, распахиало двери в новый „золотой век“ испанской литературы».

Новый «золотой век» испанской литературы — это первая треть XX столетия (первый «золотой век» — эпоха Возрождения и барокко). Главными литературными течениями, появившимися в Испании на рубеже XIX и XX веков, были «Поколение 1898 года» и модернизм.

«Поколение 1898 года» называют также «Поколением катастрофы» — в 1898 году Испания, некогда всесильная колониальная держава, потерпела сокрушительное поражение в Испано-американской войне. Вождем «Поколения» был гениальный писатель и философ Мигель де Унамуно. Его соратниками — Рамон дель Валье-Инклан, Пио Бароха, Антонио Мачадо, Асорин (наст. имя — Хосе Мартинес Руис)...

¹ Плавский З. И. Испанская литература XIX—XX веков. М., 1982, с. 17.

Книги этих писателей неоднократно выходили на русском языке, о «Поколении» написаны десятки статей и монографий — и тот, кто заинтересуется испанской литературой этого времени легко найдет необходимые сведения. А пока пусть читатель поверит мне на слово: это было поколение гигантов.

Но о модернизме надо поговорить более подробно.

Что же такое — модернизм в литературе Испании и Латинской Америки?

Разъясняя данный термин И. А. Тертерян писала в книге «Испытание историей»:

«Термин модернизм явно неудачен. Уже в начале века употребление этого термина вызывало путаницу, так как модернизмом было окрещено реформаторское движение внутри католицизма, возглавленное аббатом Луази и осужденное папой Пием X в 1907 году. Сейчас же, когда термин модернизм стали прилагать к более широкому кругу явлений мировой литературы XX века, путаница увеличилась. Тем не менее изменить что-либо очень трудно: модернизм как обозначение конкретного литературного течения в испаноязычных литературах прочно вошел в литературоведческий обиход, в словари. Поэтому необходимо четко оговорить — в истории испанской и испано-американских литератур модернизмом называют литературное течение, существовавшее с 80-х в Испанской Америке и с 90-х годов в Испании до первой мировой войны. К литературным явлениям периодов после первой и после второй мировой войны термин модернизм в истории испанской литературы не применяется. Типологически в понятие модернизм включается то, что в историческиевропейскилитературобозначается как а кл

натуралистические течения, литература „конца века“, декадентство» .

¹ Тертерян И. А. Испытание историей. Очерки испанской литературы XX века. М., 1973, с. 65.

Хуан Рамон Хименес охарактеризовал модернизм своеобразно и образно: «Это была новая встреча с Красотой, похороненной в XIX веке буржуазной литературой. Модернизм был свободным и вдохновенным походом навстречу Красоте»¹.

Модернисты слово «красота» чаще всего писали с большой буквы и ставили знак равенства между Красотой и Истиной.

Общепризнанным главой испано-американского модернизма стал никарагуанский поэт Рубен Дарио (наст. имя — Феликс Рубен Гарсиа Сармьенто; 1867-1916) — автор «Лазури» и «Языческих псалмов». Он первым ввел само понятие «модернизм» для обозначения нового направления в испаноязычной литературе, быстро снискал общеевропейскую славу и, впервые приехав в Мадрид в 1898 году, сразу же нашел себе в Испании почитателей и сторонников.

В Испании крупнейшим поэтом-модернистом стал Хуан Рамон Хименес.

Испанского поэта и никарагуанца Дарио связывала также и дружба. Они познакомились в Мадриде в апреле 1900 года. Исследовательница творчества Хименеса Грасиела Палау де Немее указывает: «Личное знакомство с Рубеном Дарио было недолгим, но продолжительным оказалось влияние Дарио: Хуан Рамон стал писать стихи, имитирующие манеру никарагуанского поэта»².

Но Хименеса менее всего прельщала участь эпигона, и уже первые его книги свидетельствовали о стремлении автора к самобытности.

Дарио доброжелательно отнесся к творчеству молодого поэта. Он охотно признал его не только своим учеником, но и зрелым мастером. Прочитав сборник Хименеса «Грустные напевы» (Arias tristes; 1903), Рубен Дарио написал об авторе

¹ Jiménez J. R. El Modernismo. México, 1962, p. 17.

² Palau de Nemes G. Vida y obra de Juan Ramón Jiménez. Madrid, 1957, p. 61.

и книге так: «Способный стать темным и сложным, он чист и почти наивен. И в них, в этих чудесных и тонких стихах, те же образы и те же печали, что в народных песнях... Родился тот, кому дано выразить, благородно и сдержанно, ту потаенную тоску, что несешь ты в своем сердце, Андалусия» .

Именно Хименесу посвящено одно из программных произведений великого никарагуанца — «Лебеди». А стихотворное послание к Хименесу Рубен Дарио закончил такими — весьма знаменательными и характерными для поэтики модернизма — строками:

*Ты зачарован тишиной ночью?
И, колокол слышав над собою,
глядишь вокруг в раздумий глубоко?
Ты зова тайного покорен власти?
Да! Ты — поэт. Иди дорогой страсти,
влекомый Красотой, хранимый Богом.*

(A Juan Ramón Jiménez)

...8 февраля 1916 года, в первый раз пересекая Атлантику (в Америке Хименеса ждала невеста — Зенобия Кампруги Аймар: бракосочетание состоялось в Нью-Йорке), испанский поэт узнает печальную весть: умер Рубен Дарио. Морская стихия и стихия стиха... И впоследствии, стремясь передать свои ощущения, свое понимание стихов Дарио, Хименес найдет поэтически точные, емкие слова: «Море переполняет Рубена Дарио, языческое море... Сама техника его поэзии — морская. В его стихе — пластика волны» .

¹ Цит. по предисловию Н. Малиновской в кн.: Хименес Х. Р. Избранное. М., 1981, с. 9.

² Здесь и далее стихи даны в переводе автора статьи.

³ Jiménez J. R. Españoles de tres mundos. Madrid, 1960, p. 63.

К 1916 году модернизм для Хуана Рамона Хименеса был уже пройденным этапом, — но испанский поэт на всю жизнь сохранил любовь к своему учителю...

Стихи из первых сборников Хименеса поражают читателя великолепием и свежестью красок, изысканной музыкальностью, богатством и изящностью образов. В его поэзии неразрывно соединились слово, музыка, живопись. Хименес в полной мере ощущал чудесную, магическую власть родного языка, жадно вслушивался в звучащее слово. Он умел ценить слова — объемные, разноцветные, полнозвучные, в совершенстве владел искусством аллитерации.

В молодости поэт увлекался живописью, писал картины, и это, видимо, помогало ему мастерски передавать словами все свои ощущения цвета. Кроме того, не следует забывать: в испанской поэзии существует цветовая символика. Так, к примеру, белый цвет символизирует грусть, красный — страсть, черный — смерть. Хименес не изгонял из своей палитры черный цвет (как это сделали художники-импрессионисты), но его несомненно можно назвать импрессионистом испанского стиха.

Пейзажи у Хименеса — красочные, звучащие, зримые. И главное: его пейзаж всегда одушевлен. Поэт был даже не пантеистом, а язычником — настолько полно ощущается в его стихах единство человека и природы.

Еще в сборнике «Весенние баллады» (*Baladas de primavera*; 1910) в стихотворении «Крестное утро» (*Manana de la cruz*) появляется образ: «*Dios esta azul*» (в переводе Н. Горской: «Бог голубеет»). Слова эти в *sane* время шокировали испанского читателя. По это была счастливейшая находка Хуана Рамона Хименеса. Здесь кратко выражена его поэтическая философия: не в небесах — Бог, а сама лазурь — Бог. А помимо этого в языке модернистов "лазурь" — одно из главных слов, эмблема Красоты. Хименес обожествляет природу, поэзию, красоту. И впоследствии поэт не раз обращался к этому образу. В цикле «На другом берегу» (*En el otro costado*; 1936—1942) есть стихотворение «Эта собака» (*Este*

perro) — «лазурнолицый Бог» отождествляется с собакой, случайно встреченной на улице.

Видимо, пантеизм Хименеса стал также и «главным виновником» того, что писатель первоначальное — автобиографическое — название книги «Дневник поэта-молодожена» (*Diario de un poeta recién casado*; 1917), переиздавая ее, изменил на «Дневник поэта и моря» (*Diario del poeta y del mar*).

Новый период в творчестве Хуана Рамона Хименеса начинается с книг «Дневник поэта-молодожена» и «Вечные мгновения» (*Eternidades*; 1918).

Теперь Хименес — в поисках не «красивой», а «нагой» поэзии. В поисках нового отношения к поэтическому слову, «чистой поэтической сущности».

Подводя итоги 20-летней литературной работы, он признается — в сборнике «Вечные мгновения»:

*О страсть моей жизни — поэзия
нагая, моя — навеки.*

(«*Vino, primero, pura...*»)

Стих становится предельно лаконичным, ясным, простым. Все чаще Хименес отказывается и от рифм — они мешают, они не нужны, они излишни.

«Уснашение стиха аллитерациями, рассчитанными на чисто акустический эффект, стало раздражать. Самая теория „инструментовки“, в основе своей опирающаяся на соответствие „звуков“ и эмоций, стала казаться плоской, упрощающей явление». Эта цитата — не из работы, посвященной творчеству Хуана Рамона Хименеса или испанской поэзии первой половины века. Она — из статьи Б. М. Эйхенбаума «Анна Ахматова» (1923)¹. Но эти слова могут быть отнесены и к поэтической эволюции Хименеса. Испания и Россия — это Запад и Восток Европы, но на рубеже XIX и XX веков

¹ *Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969, с. 119.*

и в первое двадцатилетие нового века в испанской и русской литературах — почти одновременно! — происходили сходные процессы. К слову сказать, в 50-е годы Хименес и сам «открыл» для себя это сходство...

Итак, начинается новый период — тот период, который, на мой взгляд, и позволяет говорить о Хименесе как о великом поэте.

Значит ли это, что следует перечеркнуть все, сделанное прежде?

О своем «раннем» сборнике «Весенние баллады» (*Baladas de primavera*; 1910) «зрелый» Хименес напишет: «Эти баллады несколько поверхностны — в них больше музыки губ, чем музыки души»¹.

Но ведь не научившись «музыке губ», поэт не смог бы запечатлеть «музыку души».

В стихе, освобожденном от внешних «украшений» — то есть от аллитерации, рифмы, одинакового количества слогов в строках, — повышается значение каждого слова. «Нагая мысль» становится эталоном красоты «нагой поэзии». Слово «красота» теперь не пишется с большой буквы, но этическая ценность красоты повышается.

И не случайно Хименес заинтересовался японской поэзией — танка и хокку открыли ему новые возможности испанского стиха.

Заинтересовался он и поэзией Индии, переводил — вместе с женой — произведения Рабиндраната Тагора.

Хименес стремится к максимальной выразительности поэтического слова — и добивается этой выразительности. Стих его становится афористически точным, чеканным, «мускулистым». Кажется, что поэт спорит с самим собой: в ранних стихах он был изобильно щедр, теперь он — предельно, скуп. Там — все «внешнее». Здесь — все «внутри» стиха.

Наступила пора зрелости.

¹ Цит. по кн.: *Плавский З. И.* Испанская литература XIX–XX веков. М., 1982, с. 119.

В 20-е годы Хуан Рамон Хименес — общепризнанный мастер, мэтр, учитель. Среди его учеников можно назвать Федерико Гарсиа Лорку и Рафаэля Альберти (оба они родом — тоже из Андалусии).

Хименес хорошо понимал, что искусство не может остановиться в своем развитии. Творчество было для него постоянной, никогда не прекращающейся внутренней работой, познанием себя и мира.

Менялся поэт Хименес. Менялся и мир — в том числе и поэтический мир — вокруг него. И Хименес заинтересованно следил за работой тех, кто пришел в поэзию после него, вслед ему.

Вот свидетельство Рафаэля Альберти, относящееся к середине 20-х годов: «Одного за другим открывал Хименес в те годы молодых поэтов, безошибочно определяя наиболее существенное в их даровании... Любовь и авторитет, которые Хуан Рамон снискал себе, беспримерны в истории испанской литературы. По нему, как по компасу, наша нарождающаяся поэзия выверяла свой путь, к нему приникала, как к живому, неиссякающему источнику вдохновения»¹.

Конец августа 1936 года. Хименес вновь пересекает Атлантический океан, вновь плывет в Америку — как 20 лет назад. Тогда все время штормило, но душа поэта была переполнена радостью — его ждала невеста. Теперь — океан спокоен, а сердце поэта сжимается от боли и скорби. Возможно, он чувствует, что навсегда расстанется со своей родиной. «Я почти не смотрел на воду, на море. Во время второго путешествия в Америку, столь не похожего на первое, я всем своим существом, душой и телом, был не с этим безмятежным, поражающе безмятежным морем, а с далекой, обезумевшей землей»².

¹ *Альберти. Р.* Затерянная роща. М., 1968, с. 204.

² Цит. по кн.: *Palau de Nemes G.* Vida y obra de Juan Ramón Jiménez. Madrid, 1957, p. 293.

Второй месяц в Испании льется кровь — идет братоубийственная война.

Для супругов Хименес начинается двадцатилетний путь изгнания.

Сначала местом жительства они выбрали Соединенные Штаты. Но уже через месяц, в сентябре 1936 года, Хименес и его жена уезжают в Пуэрто-Рико. Главная причина такого решения заключалась, конечно, в том, что здесь, на острове, лежащем в Карибском море, испанский поэт попал в родную языковую стихию.

Но пребывание Хименеса в Пуэрто-Рико на этот раз было недолгим: Испано-кубинский институт культуры в Гаване пригласил поэта прочитать цикл лекций, и в конце ноября 1936 года Хуан Рамон Хименес и Зенобия Кампруги отплывают на Кубу. Здесь супруги Хименес прожили два года. Эти годы были временем напряженной творческой работы поэта — творчество помогало ему преодолеть разлуку с Испанией. Да, он был прав: «всем своим существом, душой и телом» он был «с далекой, обезумевшей землей». Война в Испании все еще продолжается... Хименес был «вечным испанцем» — и не мог от этого никуда деться, и не хотел быть никем другим. На Кубе он записал в «Поэтическом дневнике»: «Я влюблен в мой народ, в его обычаи, в его искусство, в его силу»¹.

В 1939 году Хименес и его жена уехали в Соединенные Штаты — на этот раз надолго. Но влияние испанского поэта на литераторов Латинской Америки, интерес к его творчеству со стороны латиноамериканских читателей не ослабевали и в 40-е годы. В этом Хименес смог убедиться во время своей краткой поездки в Аргентину и Уругвай в 1948 году.

Эта поездка, встречи с людьми, искренне любящими его творчество, словно вернули Хименесу молодость. Он ощущает прилив творческих сил, полон новых замыслов и еще на

¹ *Islas*. Santa Clara, Cuba, 1965, N 3, p. 115.

корабле, возвращаясь из Южной Америки в США, создает книгу «Глубинное существо» (*Animal de fondo*; 1949):

*В утренних сумерках —
свет, неизвестно откуда идущий;
нет, он не приходит, он — есть,
он — всюду, он затопляет весь мир.*

(«Que se ve ser»)

Нет сомнения, Латинская Америка, ее природа, ее поэзия оказывали на Хуана Рамона Хименеса благотворное воздействие.

А вот — факт из истории латиноамериканской литературы, говорящий и о влиянии Хименеса на поэзию континента, у ж еподарившегомирутакихпоэтов,к а кРубенДарио,Г

эла Мистраль, Сесар Вальехо, Мигель Анхель Астуриас, Хорхе Луис Борхес, Николас Гильен, Пабло Неруда, Октавио Пас... В 1940 году в Колумбии была создана группа «Камень и небо» (*Piedra y cielo*), а ведь «Камень и небо» — это название сборника Хименеса, вышедшего еще в 1919 году. Поэты из этой группы оставили заметный след в колумбийском искусстве. Входил в нее и будущий автор «Ста лет одиночества» — в молодости Гарсиа Маркес писал стихи (они были опубликованы в газетах и журналах, но, к сожалению, в книгу не собраны).

...Пасмурным августовским вечером 1950 года Хименес почувствовал себя плохо. Его пытались лечить в нескольких больницах Вашингтона, но улучшения не наступало. «Вечному испанцу», ему нужна была Испания, но только не Испания каудильо Франко. Приспосабливаться Хименес не умел. Он признавал только одну диктатуру — свою собственную.

Если нельзя уплыть в Испанию — то можно перебраться в Пуэрто-Рико. И вновь — уже до конца жизни — Хуан

Рамон Хименес и его жена уезжают на остров, где люди говорят по-испански.

А жизнь поэта подходила к концу.

Одно из важнейших слов в поэзии Хименеса — это слово «время».

Его стихи — напряженный разговор о жизни и смерти. Творчество не однажды помогало ему в дни, казалось бы, безысходного отчаяния преодолеть и победить страх небытия. Он знал, что творить стихи — значит творить жизнь, над которой уже не властно время, скупо отмеренное человеку судьбой.

Реальное время течет безостановочно. Но художник способен «остановить мгновение». Запечатлеть его на бумаге, показать его красоту. Важна и ценна каждая секунда жизни — ибо она неповторима.

Фернандо Верхесен писал о поэзии Хименеса: «Вся энергия поэта направлена на одно: спасти во что бы то ни стало любое впечатление, любой порыв, рожденный в самой глубине его существа»¹.

А сам Хименес еще в сборнике «Лето» (Estio; 1916) восклицал:

*Словно бабочку — в самое сердце —
я хочу поразить тебя,
время.*

(«Quisiera clavarte, hora...»)

И не случайно одну из своих главных книг назвал он «Вечные мгновения». И я рискнул сборник избранных произведений Хименеса, созданных в разные годы, назвать тоже — «Вечные мгновения»...

В той высшей реальности, которую создал поэт, существует только одно время — настоящее (во всех значениях этого

¹ *La Torre*. Puerto Rico, 1957, N 5, p. 91.

слова). И только ради этой реальности, ради творчества стоило жить. Мгновения жизни, преображенные в стихи, становятся вечностью.

Наступил 1956 год.

Весной обострилась болезнь Зенобии Кампруби — рак. Началось медленное умирание.

25 октября Хуану Рамону Хименесу была присуждена Нобелевская премия.

Лишь на три дня пережила радостное известие его жена...

75-летний поэт остался один.

Пуэрториканцы всегда окружали Хименеса заботой и любовью. Но кто мог вернуть поэту его верную спутницу? И конечно, ничто не могло заменить ему Испании.

Во многих стихотворениях Хименеса встречаются слова «река» и «море». В ранних стихах он почти всегда давал конкретное описание такой-то реки, такого-то моря. Но в испанской поэзии — еще с XV века — существуют образы-символы: «река — жизнь», «море — смерть». И Хименес в конце жизни все чаще стал использовать именно эти образы. Последний цикл его стихотворений называется «Реки, что уходят» (Rios que se van; 1951—1953).

Умер Хуан Рамон Хименес в столице Пуэрто-Рико — в городе Сан-Хосе — 29 мая 1958 года.

Еще в начале 50-х годов испанский поэт стал готовить свою итоговую книгу — «Третью поэтическую антологию» (Tercera antología poética; 1957). В нее он отбирал только самое существенное из того, что было им создано с 1898 по 1953 год — из 39 книг. Вновь и вновь правил он свои старые стихи. Какие-то полностью браковал. Какие-то строки переписывал. Добивался максимальной точности каждого слова.

Антология стала образцовой. Она неоднократно переиздавалась в Испании. И данный сборник составлен на основе именно этой антологии.

Надо сказать: поэзия Хименеса пришла в Россию совсем недавно. Первая — довольно большая — подборка его стихотворений (в переводе и с предисловием Павла Грушко) была опубликована в декабрьской книжке «Иностранной литературы» за 1957 год. Затем в 60-е—первой половине 70-х годов появились переводы Овадия Савича и Анатолия Гелескула.

В 1977 году стихотворения Хименеса были опубликованы в 143 томе «Библиотеки всемирной литературы» (в этот том вошли произведения пяти испанских поэтов XX века: Хименеса, Антонио Мачадо, Федерико Гарсиа Лорки, Рафаэля Альберти и Мигеля Эрнандеса). Впервые русский читатель получил возможность достаточно полно познакомиться с творчеством Хименеса — в том «БВЛ» включены более 250 его стихотворений.

Наконец в 1981 году, когда отмечалось столетие со дня рождения великого испанского поэта, издательством «Художественная литература» было издано «Избранное» Хименеса: стихи разных лет и новеллы из книги «Платеро и я». В том же году книгу «Платеро и я» (в переводе А. Гелескула) выпустило издательство «Детская литература».

Неоднократно за последнее время стихи Хуана Рамона Хименеса включались в различные антологии испанской поэзии на русском языке.

Но вернемся в Испанию, а точнее — на родину Хименеса, в городок Могер.

Есть предание, что жители Могера видели, как отплывают каравеллы Христофора Колумба, отправившегося в 1492 году на поиски нового пути в Индию. Вскоре за океан поспешили испанские конкистадоры — огнем и мечом хотели они завоевать Новый Свет. Испания стала великой колониальной державой. Но прошло время и оказалось, что огнем и мечом мир не объединить.

Долговечнее оружия конкистадоров оказалось слово. Рыцарей наживы смог победить рыцарь Дон-Кихот...

Слава к Хименесу пришла стремительно и в Старом, и в Новом Свете. Его слово завоевало сердца и души уже многих поколений читателей.

Создав «Третью поэтическую антологию», Хименес построил свое — поэтическое — мироздание. Он исполнил то, что было предначертано ему судьбой на Земле — на «планете людей».

И наверное, он мог бы с гордостью сказать: я сделал все, что мог...

Виктор АНДРЕЕВ

Primeras poesías

Первые стихи
(1898-1902)

1. ALBA

Se paraba
la rueda
de la noche...

Vagos ángeles malvas
apagaban las verdes estrellas.

Una cinta tranquila
de suaves violetas
abrazaba amorosa
a la pálida tierra.

Suspiraban las flores al salir de su ensueño,
embriagando el rocío de esencias.

Y en la fresca orilla de heléchos rosados,
como dos almas perlas,
descansaban dormidas
nuestras dos inocencias
— ¡oh que abrazo tan blanco y tan puro! —
de retorno a las tierras eternas.

1. НА ЗАРЕ

Ночь
устала
кружиться...

Сиреневых ангелов стая
погасила зеленые звезды.

Под фиалковым пологом
даль полевая
проступила,
из тьмы выплывая.

И вздохнули цветы и глаза разомкнули,
и запахла роса луговая.

И на розовой таволге —
о, белизна тех объятий! —
полусонно слились, замирая,
как жемчужные души,
две юности наши
по возврате из вечного края.

Перевод А. Гелескула

2. ¡ADIÓS!

Primero, ¡con que fuerza
las manos verdaderas!

— La verja se ha cerrado.
Se cruzan solitarios
el corazón y el campo —,

¡Con que porfía luego,
las manos del recuerdo!

2. ПРОЩАНИЕ

Как горячо целую
твою ладонь живую!

(Калитка на запоре.
На сердце одиноко,
и нелюдимо в поле.)

С какой тянусь тоскою
за снящейся рукою!

Перевод Б. Дубина

— ¿Sabremos nosotros, vivos,
ir adonde esta ella?

— ...Pero ella sabrá venir
a nosotros, muerta.

— Найдем ли мы путь, живые,
туда, где она сейчас?

— ...Но к нам она путь отыщет
и, мертвая, встретит нас.

Перевод А. Гелескула

4. ADOLESCENCIA

En el balcón, un instante
nos quedamos los dos solos.
Desde la dulce mañana
de aquel día, eramos novios.

— El paisaje soñoliento
dormía sus vagos tonos,
bajo el cielo gris y rosa
del crepúsculo de otoño —.

Le dije que iba a besarla;
bajo, serena, los ojos
y me ofreció sus mejillas,
como quien pierde un tesoro.

— Caían las hojas muertas,
en el jardín silencioso,
y en el aire erraba aun
un perfume de heliotropos —

No se atrevía a mirarme;
le dije que eramos novios,
...y las lagrimas rodaron
de sus ojos melancólicos.

4. ЮНОСТЬ

Мы с тобой одни остались —
ты и я — в тиши балкона.
Ты моей невестой стала
этим утром полусонным.

...Вся природа в сладкой лени,
краски стерты, блеклы тени,
серо-розовое небо,
тускловатый свет осенний...

Я к тебе приблизил губы,
и, не поднимая взгляда,
ты подставила мне щеку,
расставаясь будто с кладом.

...Пожелтевших листьев груди
на глухих садовых тропах,
но еще разлит повсюду
аромат гелиотропов...

Я назвал тебя невестой;
ты молчание хранила,
но из глаз меланхоличных
две слезинки уронила.

Перевод Н. Горской

5. ADOLESCENCIA

Aquella tarde, al decirle
yo que me iba del pueblo,
me miro triste — ¡que dulce! —,
vagamente sonriendo.

Me dijo: ¿Por qué te vas?
Le dije: Porque el silencio
de estos valles me amortaja
como si estuviera muerto.

— ¿Por que te vas? — He sentido
que quiere gritar mi pecho,
y en estos valles callados,
voy a gritar y no puedo.

Y me dijo: ¿Adonde vas?
Y le dije: Adonde el cielo
este mas alto, y no brillen
sobre mí tantos luceros.

Hundió su mirada negra
allá en los valles desiertos,
y se quedo muda y triste,
vagamente sonriendo.

5. ЮНОСТЬ

Когда сказал ей в тот вечер,
что я уеду наутро,
она, взглянув, улыбнулась,
но как-то странно и смутно.

— Зачем ты едешь? — спросила.
— В долинах нашего края
такая тишь гробовая,
как будто сам умираю.

— Зачем ты едешь? — Я слышу,
что сердце крикнуть готово,
хочу кричать и ни звука,
хочу сказать — и ни слова.

— Куда ты едешь? — Куда-то,
где выше небо ночное
и где не будет так тихо
и столько звезд надо мною.

Ее глаза потонули
в тиши долин беспробудной,
и, погрустнев, она смолкла
с улыбкой странной и смутной.

Перевод А. Гелескула

Arias tristes
Jardines lejanos
Pastorales

Грустные напевы
(1902-1903)

Далекие сады
(1903-1904)

Пасторали
(1903-1905)

Río de cristal, dormido
y encantado; dulce valle,
dulces riberas de alamos
blancos y de verdes sauces.

— El valle tiene un ensueño
y un corazón; sueña y sabe
dar con su sueño un son lánguido
de flautas y de cantares —.

Río encantado; las ramas
soñolientas de los sauces,
en los remansos caídos,
besan los claros cristales.

Y el cielo es plácido y blando,
un cielo bajo y flotante,
que con su bruma de plata
acaricia ondas y arboles.

— Mi corazón ha soñado
con la ribera y el valle,
y ha llegado hasta la orilla
serena, para embarcarse;
pero, al pasar por la senda,
lloro de amor, con un aire
viejo, que estaba cantando
no se quien, por otro valle —.

Заворожило излуку;
мирно забылась долина —
вся в зеленеющих ветлах
и белизне тополиной.

Словно душа ее дремлет,
и, околдованной дремой,
слышатся ей отголоски
флейты и песни знакомой.

Завороженные воды,
полудремотные струи;
сонно склоняются ветлы,
тихую заводь целуя.

И — все яснее и ниже,
ласковой все и приветней, —
небо в серебряной пене
нежит затоны и ветви.

Снилась мне эта долина
и эти воды в покое;
сердце к ним шло издалека,
чтобы уплыть за рекою,
но загрустило неожиданно
от долетевшего звука;
кто-то старинную песню
пел над другою излукой.

Перевод Б. Дубина

Mi alma es hermana del cielo
gris y de las hojas secas.
¡Sol interno del otoño,
pásame con tu tristeza!

— Los árboles del jardín
están cargados de niebla.
Mi corazón ve por ellos
esa novia que no encuentra;
y en el suelo húmedo me abren
sus manos las hojas secas.
¡Si mi alma fuera una hoja
y se perdiera entre ellas! —

El sol ha mandado un rayo
de oro extraño a la arboleda,
un rayo flotante, dulce
luz a las cosas secretas.

— ¡Que ternura tiene el último
sol para las hojas secas!
Una armonía sin fin
vaga por todas las sendas,
lenta, eterna sinfonía
de músicas y de esencias,

Душе все роднее мгlistый
закат над листвою сухою.
Коснись меня, луч осенний,
своей потайной тоскою!

Деревья сырого сада
размыто сквозят в тумане
и кажутся нареченной,
с которой все ждут свиданья,
и тянутся листья с тропок
подобно живым ладоням...
Листком обернемся, сердце,
и в палой листве потонем!

Приветный, потусторонний
закат золотит аллею,
и самое потайное
под зыбким лучом светлее.

Ласкающий листья ответ
так нежен в касанье робком!
Созвучья иного лада
плывут по размокшим тропкам
напевов и ароматов
согласие неземное,

que dora el jardín de una
mas divina primavera —.

Y esa luz de bruma y oro,
que pasa las hojas secas,
irisa en mi corazón
no se que ocultas bellezas.

что сад золотит нездешней
и вечной своей весною.

Сияние нежит листья
и, дымчато-золотое,
в душе зацветает смутной,
неведомой красотою.

Перевод Б. Дубина

El pastor, lánguidamente,
 con la cayada en los hombros
 mira, cantando, los pinos
 del horizonte brumoso;
 y el rebaño soñoliento
 levanta nubes de polvo,
 y llora con sus esquilas,
 bajo la luna de oro.

La aldea del valle está
 quieta en humo blanco. Todo
 lo que era alegre al sol, sueña
 no se que amores llorosos.

Ya no se ve el río oscuro,
 perdido en sí mismo. Sólo,
 en la ciega paz inmensa,
 se siente que tiene fondo.
 Flota el humo blanco. El valle
 se queda mas solo y lóbrego.
 Las esquilas lloran mas,
 bajo la luna de oro.

Посох держа на плече,
 смотрит пастух отрешенно,
 как расплываются сосны
 там, на краю небосклона;
 тянется пыльное стадо,
 тихое в час этот поздний,
 и бубенцы под луною
 все монотонней и слезней.

В белых туманах укрылся
 хутор. Ни света, ни луга —
 только сквозящая всюду
 вечная чья-то разлука.

Речка в себе затаилась,
 и, хоть не видно протоки,
 из тишины непроглядной
 слышно, как воды глубоки.
 Все расплывается. Глухо,
 словно над вымершим краем.
 Лишь под луной золотую
 плач бубенцов нескончаем.

Перевод А. Гелескула

*(Le vent de l'autre nuit
a jeté bas l'Amour...*

P. Verlaine)

¡La otra tarde, se ha llevado
el viento mas hojas secas!
¡Que pena tendrán los arboles,
esta noche sin estrellas!

He entreabierto mi balcón:
— La luna camina muerta,
sin luz de besos ni lagrimas,
amarilla entre la niebla —.

Y he acariciado los arboles,
con miradas de terneza,
que les van abriendo hojitas
verdeluz de primavera.

¿Es que están soñando, así,
con sus pobres hojas secas?
Yo les digo: «No lloréis;
vendrán con las hojas nuevas».

*Le vent de l'autre nuit
a jete bas l'Amour...*

P. Verlaine¹

Под вечер осенний ветер
сорвал золотые листья.
Как грустно деревьям ночью,
как ночь эта долго длится!

Безжизненно-желтый месяц
вплывает в черные ветви;
ни плача, ни поцелуя
в его помертвелом свете.

Я нежно шепчу деревьям:
не плачьте о листьях желтых;
весной заklubится зелень
на ветках, дотла сожженных.

Но грустно молчат деревья,
скорбя о своей потере...
Не плачьте о желтых листьях:
и новые пожелтеют!

Перевод С. Гончаренко

¹Ничьюветерсбросилн аземлюстатуюАмура...П .В

Yo no volvere. Y la noche
tibia, serena y callada,
dormirá el mundo, a los rayos
de su luna solitaria.

Mi cuerpo no estara allí,
y por la abierta ventana,
entrará una brisa fresca,
preguntando por mi alma.

No se si habrá quien me aguarde
de mi doble ausencia larga,
o quien bese mi recuerdo,
entre caricias y lagrimas.

Pero habrá estrellas y flores
y suspiros y esperanzas,
y amor en las avenidas,
a la sombra de las ramas.

Y sonara ese piano
como en esta noche placida,
y no tendrá quien lo escuche,
pensativo, en mi ventana.

Я не вернусь. И на землю
успокоенье ночное
спустится в теплую темень
под одинокой луною.

Ветер в покинутом доме,
где не оставлю и тени,
станет искать мою душу
и окликать в запустенье.

Будет ли кто меня помнить,
я никогда не узнаю,
да и найдется ли кто-то,
кто загрустит, вспоминая.

Но будут цветы и звезды,
и радости, и страданья,
и где-то в тени деревьев
нечаянные свиданья.

И старое пианино
в ночи зазвучит порою,
но я уже темных окон
задумчиво не открою.

Перевод А. Гелескула

Yo dije que me gustaba
 — ella me estuvo escuchando
 que, en primavera, el amor
 fuera vestido de blanco.

Alzo sus ojos azules
 y se me quedó mirando,
 con una triste sonrisa
 en los virjinales labios.

Siempre que cruce su calle,
 al ponerse el sol de mayo
 estaba seria, en su puerta,
 toda vestida de blanco.

Я просто сказал однажды, —
 услышать она сумела, —
 мне нравится, чтоб весной
 любовь одевалась белым.

Глаза голубые вскинув,
 взглянула с надеждой зыбкой,
 и только детские губы
 светились грустной улыбкой.

С тех пор, когда через площадь
 я шел на майском закате,
 она стояла у двери,
 серьезная, в белом платье.

Перевод Н. Ванханен

¡Mañana de primavera!
 Vino ella a besarme, cuando
 una alondra mañanera
 subió del surco, cantando:
 «¡Mañana de primavera!»

Le hable de una mariposa
 blanca que vi en el sendero;
 y ella, dándome una rosa,
 me dijo: «¡Cuanto te quiero!
 ¡No sabes lo que te quiero!»

¡Guardaba en sus labios rojos
 tantos besos para mi!
 Yo le besaba los ojos...
 «¡Mis ojos son para ti;
 tu, para mis labios rojos!»

El cielo de primavera
 era azul de paz y olvido...
 Una alondra mañanera
 canto en el huerto aun dormido.
 Luz y cristal su voz era
 en el surco removido...
 ¡Mañana de primavera!

В то утро весеннего дня
 она обнимала меня,
 и, дол покидая зеленый,
 пел жаворонок полусонный
 про утро весеннего дня!

О бабочке — о белокрылой
 летунье над пашнею стылой —
 я ей рассказать не успел,
 услышав: «Люблю тебя, милый!»
 и рот ее розой зардел!

Пылающими лепестками
 меня ее рот покрывал,
 а я ей глаза целовал...
 «Хочу, чтоб своими устами
 меня ты всю жизнь согрел!..»

А небо весеннего дня
 синело спокойным забвеньем.
 И жаворонок с упоением
 немые будил зелена,
 в дремотной округе звеня
 хрустальным сияньем весенним —
 в то утро весеннего дня!

Перевод П. Грушко

13. MADRUGADA

(Cita)

El viento rinde las ramas
con los pájaros dormidos.
— Abre tres veces el faro
su ojo verde —. Calla el grillo.

¡Que lejos, el huracán
pone, uno de otro, los sitios!
¡Que difícil es lo fácil!
¡Que cerrados los caminos!

Parece que se ha trocado
todo. Pero al claror íntimo
se ven arenas y flores,
donde ayer tarde las vimos.

13. РАССВЕТ

Баюкая птичью стаю,
под вихрем слабеют ветви.
Три раза мигнул зеленый
маяк. Ни сверчка на свете!

В какую даль ураганом
забросило дом от дома!
Как тропы непроходимы!
Как прежде незнакомо!

Все чудится не на месте.
И только цветы в аллее,
как вечером накануне,
сквозят, изнутри светлея.

Перевод Б. Дубина

¿Soy yo quien anda, esta noche,
por mi cuarto, o el mendigo
que rondaba mi jardín,
al caer la tarde?...

Miro

en torno y hallo que todo
es lo mismo y no es lo mismo...
¿La ventana estaba abierta?
¿Yo DO me había dormido?
¿El jardín no estaba verde
de luna?.. El cielo era limpio
y azul... Y hay nubes y viento
y el jardín esta sombrío...
Creo que mi barba era
negra... Yo estaba vestido
de gris... Y mi barba es blanca
y estoy enlutado... ¿Es mío
este andar? ¿Tiene esta voz
que ahora suena en mi los ritmos
de la voz que yo tenía?
¿Soy yo, o soy el mendigo
que rondaba mi jardín
al caer la tarde?...

Miro

en torno... Hay nubes y viento...
El jardín está sombrío...

Я ли хожу одиночкой
в комнатах дома ночного
или бродивший за садом
нищий сегодняшний?..

Снова

вглядываюсь, и все здесь —
то же и словно иное...
Я ведь уснул уже? Разве
не зеленел под луною
сад мой? Окно было настезь..
Небо цвело синевою...
Сумрачен сад мой, а небо —
ветренное, грозное...
Кажется, с черной бородкой,
в сером я был, вспоминаю...
Я — с бородой поседевшей,
в трауре... Эта ночная
поступь — моя? Этот голос,
что и томит и тревожит, —
мой или эхо чужого?
Я — это я? Или, может,
сам я — бродивший за садом
нищий сегодняшний?

Снова

вглядываюсь... Ненастье...
сумерки сада ночного...

... Y voy y vengo... ¿Es que yo
no me había ya dormido?
Mi barba está blanca... Y todo
es lo mismo y no es lo mismo...

Дом обхожу... Или длится
сон? Борода с сединою...
Вновь озираюсь, и все здесь —
то же и словно иное...

Перевод Б. Дубина

- No era nadie. El agua. — ¿Nadie?
 Que no es nadie el agua? — No
 haynadie. Es la flor. — ¿No hay nadie?
 Pero¿no es nadie la flor?

- No hay nadie. Era el viento. — ¿Nadie?
 ¿No es el viento nadie? — No
 haynadie. Ilusión. — ¿No hay nadie?
 ¿Y no es nadie la ilusión?

«Не было никого. Вода». — «Никого?
 А разве вода — никто?» — «Нет
 никого. Это цветы». — «Нет никого?
 Но разве цветы — никто?» —

«Нет никого. Ветер прошел». — «Никого?
 Разве ветер — никто?» — «Нет
 никого. Воображенье». — «Нет никого?
 А разве воображенье — никто?»

Перевод О. Савича

*(..Par délicatesse
J'ai perdu ma vie.
A. Rimbaud)*

Viento negro, luna blanca.
Noche de Todos los Santos.
Frío. Las campanas todas
de la tierra están doblando.

El cielo, duro. Y su fondo
da un azul iluminado
de abajo, al romanticismo
de los secos campanarios.

Faroles, flores, coronas,
— ¡campanas que están doblando!
... Viento largo, luna grande,
noche de Todos los Santos.

...Yo voy muerto por la luz
agria de las calles; llamo
con todo el cuerpo a la vida;
quiero que me quieran; hablo
a todos los que me han hecho

*..Par délicatesse
J'ai perdu ma vie.
A. Rimbaud¹*

Черный ветер. А в черном ветре
ледяная луна бела.
В эту ночь Всех Святых повсюду
причитают колокола.

Со свинцового неба в духе
романтизма минувших лет
на сухие стволы часовен
темно-синий струится свет.

И гирлянды цветов, и свечи...
Как рыдают колокола!
...Черный ветер, а в черном ветре
ледяная луна бела.

Я бреду по дороге — мертвый,
в сонном свете, но наяву;
и мечтаю, мертвец, о жизни,
безнадежно немой, зову
тех, кто сделал меня безгласным...

¹ Из-за нежности я погубил свою жизнь. А. Рембо (фр.).

mudo, y hablo sollozando,
roja de amor esta sangre
desdeñosa de mis labios.

¡Y quiero ser otro, y quiero
tener corazón, y brazos
infinitos, y sonrisas
inmensas, para los llantos
aquellos que dieron lagrimas
por mi culpa!

...Pero ¿acaso
puede hablar de sus rosales
un corazón sepulcrado?

— ¡Corazón, estas bien muerto!
¡Mañana es tu aniversario! —

Sentimentalismo, frío.
La ciudad esta doblando.
Luna blanca, viento negro.
Noche de Todos los Santos.

Пусть искусаны до крови
мои губы, но снова красной
стала кровь моя от любви.

Сердце требует возрождения,
тело — сильных и нежных рук,
улыбнуться мечтают губы
и, прорвавши порочный круг,
искупить проливные слезы
всех изведанных мною мук.

Только разве отпустит сердце
глубочайшая из могил?
Завтра год, а быть может — больше,
как его я похоронил.

Холодок сентиментализма.
Черный ветер. Луна — бела.
В эту ночь Всех Святых повсюду
причитают колокола.

Перевод С. Гончаренко

TÚ me mirarás llorando
 — sera el tiempo de las flores —,
 tu me miraras llorando,
 y yo te diré: No llores.
 Mi corazón, lentamente,
 se irá durmiendo... Tu mano
 acariciara la frente
 sudorosa de tu hermano...
 TÚ me mirarás sufriendo,
 yo sólo tendré tu pena;
 tu me miraras sufriendo,
 tu, hermana, que eres tan buena.
 Y tu me diras: ¿Que tienes?
 Y yo mirare hacia el suelo.
 Y tu me diras: ¿Que tienes?
 Y yo mirare hacia el cielo.
 Y yo me sonreiré
 — y tu estaras asustada —,
 y yo me sonreiré
 para decirte: No es nada...

Ко мне обернешься, плача,
 — в разгаре цветенья сада, —
 ко мне обернешься, плача,
 и я повторю: — Не надо.
 А сердце в оцепененье
 замрет, отходя от тягот...
 И сестринских пальцев тени
 на лоб мой горячий лягут.
 Я встречу твой взгляд печальный,
 печалюсь тобой одною.
 Я встречу твой взгляд печальный,
 с его добротой родною.
 И спросишь ты: — Что с тобою? —
 Но в землю взгляну я немо.
 И спросишь ты: — Что с тобою?
 И снова взгляну я в небо.
 И вдруг улыбнусь в ответ,
 — ты вздрогнешь, как от угрозы, —
 и я улыбнусь в ответ,
 чтоб вымолвить: — Вытри слезы...

Перевод А. Гелескула

Cuando la mujer está,
todo es tranquilo, lo que es
— la llama, la flor, la música
Cuando la mujer se fue
— la luz, la canción, la llama
¡todo! es, loco, la mujer.

Женщина рядом с тобой...
Музыку, пламя, цветок —
все обнимает покой.
Если с тобой ее нет,
сходят с ума без нее
музыка, пламя и свет.

Перевод М. Самаева

Tristeza dulce del campo.
La tarde viene cayendo.
De las praderas segadas
llega un suave olor a heno.

Los pinares se han dormido.
Sobre la colina, el cielo
es tiernamente violeta.
Canta un ruiseñor despierto.

Vengo detras de una copla
que había por el sendero,
copla de llanto, aromada
con el olor de este tiempo;
copla que iba llorando
no se que cariño muerto,
de otras tardes de setiembre
que olieron también a heno.

В полях печально и пусто,
одни стога среди луга.
Ложится вечер осенний,
и пахнет сеном округа.

Проснулся плач соловьиный,
а сосны замерли сонно,
и стал так нежносиренев
над ними цвет небосклона.

Уводит следом за песней
меня тропа луговая,
и веет осенью песня,
Бог весть кого отпевая, —
поет, как пела когда-то,
зоя ушедшего друга,
и падал вечер осенний,
и пахла сеном округа.

Перевод А. Гелескула

No es así, no es de este mundo
vuestro son... — Y las llorosas
nieblas que suben del valle
quitan el campo y me borran. -

La luna verde de enero
es buena para vosotras,
camparías. — La noche está
fría, despierta y medrosa. —
Y si sonáis, son los vivos
los que están muertos, y, ahora,
son los muertos los que viven;
puertas que se cierran, losas
que se abren... ¡Oh la luna
de enero, sobre vosotras!
¡Campanas bajo la luna
de enero!

— Silencio... Lloran...

Lo que llora en el ocaso,
llora en el oriente, llora
en una ciudad dormida,
de farolas melancólicas;
llora mas alla, en el mar;
llora mas alla, en la aurora

Нет, не из этого мира
звон ваш... И стужа сырая
стелется слезным туманом,
смутный мой облик стирая.

Зимней зеленой луною
катятся в ночь ваши стоны,
колокола. В полнолуние
дали страшны и бессонны.
Ночь, и, пока вы звените,
погребены все живые,
а погребенные живы,
наглухо двери входные,
настежь могилы...

О ночи
с зимней луною зеленой!
Колокола под луною!
Звон... Или плач отдаленный?

То, что на западе плачет,
плачет и там, на востоке,
плачет и в городе спящем,
где фонари одиноки,
плачет и в море бессонном,
плачет и в утренней рани,

que platea tristemente
el horizonte de sombra —.

Campanarios de la helada,
¿de qué pueblo sois? ¿Qué hora
es en vosotros? Yo no me
acuerdo ya de las cosas...
¡Son trasfigurado, son
que yerras, campanas locas,
que erráis entre las estrellas
cuajadas! ¡No!

— Y las llorosas
nieblas que suben del valle
quitan el campo y me ahogan
en una ciudad dormida,
de farolas melancólicas. —

где серебрится печально
свет над ночными горами.

Где вы, в каком вы селенье,
звонницы стужи? Который
час вами пробит? Сознание
меркнет, не видя опоры.
Гибельный зов запредельный
звона, подобного стонам,
колоколов одичалых
в инее звезд!

И за звоном
слезный туман наплывает
и разливает потоки,
смыв меня с улицы спящей,
где фонари одиноки.

Перевод А. Гелескула

La calle espera a la noche.
 Todo es historia y silencio.
 Los arboles de la acera
 se han dormido bajo el cielo.

Y el cielo es violeta y triste,
 un cielo de abril, un bello
 cielo violeta, con suaves
 preludios del estrelleo. —

Por las verjas se ve luz
 en las casas. Llora un perro
 ante una puerta cerrada.
 Negro sobre el cielo liso,
 revolotea un murciélago...

— ¡Oh la lampara amarilla,
 la paz de los niños ciegos,
 la nostalgia de las viudas,
 la presencia de los muertos!

¡Cuentos que en aquellas tardes
 de abril, que ya nunca han vuelto,
 nos contábamos, mirando
 fijamente a los luceros! —

Встречают ночь переулки.
 Все стало тихим и давним.
 И с тишиною дремота
 сошла к деревьям и ставням.

И ранние звезды юга
 забрезжили в небе вешнем —
 в печальном апрельском небе,
 фиалковом и нездешнем.

Горят за оградой окна.
 Скулит у ворот собака.
 На синеве чернея,
 возник нетопырь из мрака.

О желтая дымка лампы
 над детским незрячим взглядом,
 и вдовьи воспоминанья,
 и мертвые где-то рядом!

И сказки, что мы при звездах
 рассказывали когда-то
 апрельскими вечерами,
 ушедшими без возврата!

Y va cayendo la sombra,
dulce y grande, en paz, con esos
rumores lejanos que
se escuchan desde los pueblos...

А сумрак велик и нежен,
и слышно на отдаленье,
как ночь окликают эхом
затерянные селенья.

Перевод А. Гелескула

El guarda del sandiar
 suena el latón. Los rabúos
 huyen, las huertas ya solas,
 a los pinares oscuros.

Ya nadie va; todos vuelven.
 Los montes, con el confuso
 pinar de la soledad,
 parecen de los difuntos.

El hombre en el campo es
 pequeño y triste. Entre humos,
 la luna de agosto sube,
 sandia enorme, su mundo.

Сторож гремит на бахче
 медью, и звон ее дальний
 катится вслед за ворами
 к темному бору, садами.

Вот уже нет никого,
 и в одиночестве бора
 смутно вдали проступают
 темные мертвые горы.

Среди полей человек
 выглядит крошечным, грустным...
 Август. Сквозь дымку луна
 катится грузным арбузом.

Перевод М. Самаева

La luna, como un gigante
de caraza grana y chata,
que acechara tras la tierra,
poco a poco se levanta.

Sus manos van apartando
pinos, rocas; su inflamada
redondez radiante corta,
minúsculas, las majadas.

Mira todo: el campo mudo,
el mar sin nadie; y avanza
mas cada vez, tras su presa
triste, del hombre ignorada.

Склоном земным исполин,
точно дозорный, взбирался
и далеко был виден
лунной помятой кирасой.

Передвигая руками
скалы и сосны, огромный,
огненным гребнем срезал он
крохотные загоны.

Вглядывался: ни души
на поле... И, безразличен
людям, шагал за своей
странной и грустной добычей.

Перевод М. Самаева

¡Granados en cielo azul!
 ¡Galle de los marineros;
 que verdes están tus arboles,
 que alegre tienes el cielo!

¡Viento ilusorio de mar!
 ¡Galle de los marineros
 — ojo gris, mechón de oro,
 rostro florido y moreno! —

La mujer canta a la puerta:
 «¡Vida de los marineros;
 el hombre siempre en el mar,
 y el corazón en el viento!»

— ¡Virjen del Carmen, que estén
 siempre en tus manos los remos;
 que, bajo tus ojos, sean
 dulce el mar y azul el cielo! —

... Por la tarde, brilla el aire;
 el ocaso esta de ensueños;
 es un oro de nostalgia,
 de llanto y de pensamiento.

В лазури цветы граната!
 Матросская слобода!
 Какое легкое небо
 и как листва молода!

Изменчивый ветер моря!
 Матросская слобода!
 Обветрена, сероглаза,
 и горе ей не беда!

И женский голос заводит:
 «Морской обычай такой —
 мужчине море законом,
 а сердцу — ветер морской!»

— Святая мать кармелитов,
 пошли нам ясные дни
 и наши весла, мадонна,
 своей рукой осени!

...Под вечер воздух мерцает,
 закат — как сон наяву,
 и капли слез золотые
 вдали кропят синеву.

— Como si el viento trajera
el sinfín y, en su revuelto
afán, la pena mirara
y oyera a los que están lejos. —

¡Viento ilusorio de mar!
¡Galle de los marineros
— la blusa azul, y la cinta
milagrera sobre el pecho! —

¡Granados en cielo azul!
¡Galle de los marineros!
¡El hombre siempre en el mar,
y el corazón en el viento!

— Как будто ветер вернулся
и даль морская близка —
и всех затерянных в море
нашла глазами тоска.

Изменчивый ветер моря!
Матросский родной очаг!
На сердце ладанка с лентой
и синий холст на плечах!

В лазури цветы граната!
Веселье в ладу с тоской.
Мужчине море законом,
а сердцу — ветер морской!

Перевод А. Гелескула

Los caminos de la tarde
se hacen uno, con la noche.
Por el he de ir a ti,
amor que tanto te escondes.

Por él he de ir a ti,
como la luz de los montes,
como la brisa del mar,
como el olor de las flores.

Вечерние дороги
свела в одну ночная.
По ней к тебе иду
и как дойти — не знаю.

По ней к тебе иду,
далекий, как зарницы,
как отголосок ветра,
как запах медуницы.

Перевод А. Гелескула

Es el pueblo. Por encima
de los oscuros tejados,
verde, lloroso de grillos
y de esquilas, está el campo.

Es la hora del murciélago,
cuando el anjel toca el anjelus,
cuando vuelve el cavador,
con el azadón, cantando.

— Y es el grito de los niños,
y es el mujir del establo,
y es el tibio olor a hogar,
y el humo celeste y blanco.—

Y es la gran luna de oro,
que, en los pinares lejanos,
tiñe cristalinamente
el abandono fantástico.

Селенье. Над темноватой
черепицей покатою
плачет зеленое поле
колокольчиком и цикадой.

Время мышей летучих
и ангелов сладкоголосых.
С косой на плече и с песней
косарь идет с сенокоса.

Кротких коров мычанье,
и веселый ребячий гомон,
и небесно-белые дымы,
и запах тепла и дома!

И луна, — сквозь дальние сосны
проплыв золотистым диском, —
наводняет пустыню поля
своим хрусталем игристым.

Перевод Н. Горской

Como una rueda visible
del cielo, la luna roja
va acarreado la noche
sobre la campiña sola.

— Aquí y alla, en las colinas,
los perros, ya entre las sombras,
se vuelven, un punto, y ladran
a su enorme luz redonda. —

Lo que trae el carro es sueño
de no se que mano prodiga,
de cuyo dueño tan solo
se ven estrellas remotas.

Одним из колес небесных,
которое видит око,
на пустошь луна вкатилась
и ночь повезла с востока.

И на холмах собаки,
в потемках едва заметны,
закинув голову, лают
на свет округлый и медный.

А воз везет сновиденья
и сам едва ли не снится.
Лишь далью звезд обозначен
его незримый возница.

Перевод А. Гелескула

Olvidanzas
Baladas de primavera
Elejías
La soledad sonora

Забвение
(1906-1907)

Весенние баллады
(1907)

Элегии
(1907-1908)

Звонкое одиночество
(1908)

28. LLUVIA DE OTOÑO

(Llueve, llueve dulcemente...)

... El agua lava la yedra;
rompe el agua verdinegra;
el agua lava la piedra...
Y en mi corazón ardiente,
llueve, llueve dulcemente.

Esta el horizonte triste;
¿el paisaje ya no existe?;
un día rosa persiste
en el pálido poniente...
Llueve, llueve dulcemente.

Mi frente cae en mi mano.
¡Ni una mujer, ni un hermano!
¡Mi juventud pasa en vano!
— Mi mano deja mi frente... -
¡Llueve, llueve dulcemente!

¡Tarde, llueve; tarde, llora;
que, aunque hubiera un sol de aurora
no llegaría mi hora
luminosa y floreciente!
¡Llueve, llora dulcemente!

28. ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

(Плещет к плещет дождь монотонный)

Хлещет по окнам ливень осенний;
брызжут осколки струй на ступени,
вымыв до глянца листья сирени.
В сердце, как в поле, лет с небосклона...
Плещет и плещет дождь монотонно.

Тонут в тумане мутные дали,
тонет округа в смутной печали.
Луч розоватой диагональю
льется по мокрой раме оконной...
Плещет и плещет дождь монотонный,

В сердце и в поле так нелюдимо!
Рядом ни друга нет, ни любимой...
Юность проходит тщетно и мимо...
Лоб ощущает холод ладони.
Ливень осенний все монотонней.

Ливень, как слезы... Вечер и ливень...
Как не присниться сердцу и ниве,
будто их доля станет счастливей,
если прольется свет с небосклона?
Плещет и плачет дождь монотонно.

Перевод С. Гончаренко

Creímos que todo estaba
roto, perdido, manchado...
— Pero, dentro, sonreía
lo verdadero, esperando. —

¡ Lagrimas rojas, calientes,
en los cristales helados!..
— Pero, dentro, sonreía
lo verdadero, esperando. —

Se acababa el día negro,
revuelto en frío mojado...
— Pero, dentro, sonreía
lo verdadero, esperando. —

Мы думали, что все на свете —
забвенье, щебень и зола...
А в сердце правда улыбалась
и часа своего ждала.

Слеза — горячею кровинкой
на белом инее стекла...
А в сердце правда улыбалась
и часа своего ждала.

Холодной слякотью покрылся
день черный, выжженный дотла.
А в сердце правда улыбалась
и часа своего ждала.

Перевод П. Грушко

30. MAÑANA DE LA CRUZ

Dios está azul. La flauta y el tambor
anuncian ya la cruz de primavera.
¡Vivan las rosas, las rosas del amor,
entre el verdor con sol de la pradera!

*Vamonos al campo por romero;
vamonos, vamonos
por romero y por amor...*

Le pregunte: «¿Me dejas que te quiera?»
Me respondió, radiante de pasión:
«Guando florezca la cruz de primavera,
yo te querré con todo el corazón.»

*Vamonos al campo por romero;
vamonos, vamonos
por romero y por amor...*

«Ya floreció la cruz de primavera.
¡Amor, la cruz, amor, ya floreció!»
Me respondió: «¿Tu quieres que te quiera?»
¡Y la mañana de luz me traspasó!

*Vámonos al campo por romero;
vámonos, vámonos
por romero y por amor...*

30. КРЕСТНОЕ УТРО

Бог голубеет. Флейты и тамбурины
возвестили — свой крест подняла весна.
Пусть розы любви расцветают в долине,
пусть будет под солнцем земля зелена!

*В поле пойдем, нарвем розмарина,
ветка любви
в розмарин, в розмарин вплетена.*

«Полюби!» — я сказал ей под небом синим.
«Полюблю! — горячо шепнула она. —
Полюблю, когда срок прорастанья минет
и цветами свой крест оденет весна».

*В поле пойдем, нарвем розмарина,
ветка любви
в розмарин, в розмарин вплетена.*

«Крест уже зацветает под небом синим...
Весна... Крест любви... Лепестков белизна!»
А она: «Без любви мое сердце стынет!»
И меня захлестнула света волна!

*В поле пойдем, нарвем розмарина,
ветка любви
в розмарин, в розмарин вплетена.*

Alegran flauta y tambor nuestra bandera.
La mariposa esta aquí con la ilusión...
¡Mi novia es la virjen de la era
y va a quererme con todo el corazón!

Лента флейты, легкий флажок тамбурина.
Фантастических бабочек новизна...
Невеста моя, по-вешнему ты невинна
и в меня по-рассветному влюблена!

Перевод Н. Горской

31. ANDANDO

(*Sueño*)

Andando, andando;
que quiero oír cada grano
de la arena que voy pisando.

Andando, andando;
dejad atrás los caballos,
que yo quiero llegar tardando
— andando, andando —,
dar mi alma a cada grano
de la tierra que voy pisando.

Andando, andando.
¡Que dulce entrada en mi campo,
noche inmensa que vas bajando!

Andando, andando.
Mi corazón ya es remanso;
ya soy lo que me esta esperando
— andando, andando —,
y mi pie parece, cálido,
que me esta el corazón besando.

Andando, andando;
¡que quiero ver todo el llanto
del camino que estoy cantando!

31. ИДУ НЕУСТАННО

Иду неустанно;
и слушаю голос стеклянный
растоптанной мною равнины песчаной.

Иду неустанно;
седлать скакуна я не стану,
пускай я от прочих отстану, —
иду неустанно, —
отдам свою душу песчинкам стеклянным
растоптанной мною равнины песчаной.

Иду неустанно.
По дальним и ближним полянам
огромная ночь разлилась океаном.

Иду неустанно.
На сердце и сладко и странно;
со всем, что встречаю, сливаюсь неожиданно —
иду неустанно! —
и ноги купаются в травах туманных,
и весь я наполнен теплынью медвяной.

Иду неустанно,
чтоб слышать все слезы и раны
дорог, о которых пою постоянно!

Перевод Н. Горской

32. EL POETA A CABALLO

¡Qué tranquilidad violeta,
por el sendero, a la tarde!
A caballo va el poeta...
¡Que tranquilidad violeta!

La dulce brisa del río,
olorosa a junco y agua,
le refresca el señorío...
La brisa leve del no...

A caballo va el poeta...
¡Que tranquilidad violeta!

Y el corazón se le pierde,
doliente y embalsamado,
en la madreSelva verde...
Y el corazón se le pierde...

A caballo va el poeta...
¡Qué tranquilidad violeta!

Se esta la orilla dorando...
El último pensamiento
del sol la deja soñando...
Se esta la orilla dorando...

32. ПОЭТ НА КОНЕ

Сон сиреневого цвета
над вечернею тропею!
Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

Чистый час речной прохлады.
Влажный запах камышовый
проникает за ограды...
Тихий час речной прохлады.

Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

А душа моя томится —
так тревожно и дурманно
душу берedit душица...
И душа моя томится.

Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

Золотыми стали плесы...
За последним вздохом солнца
сон нисходит на откосы...
Золотыми стали плесы...

¡Que tranquilidad violeta,
por el sendero, a la tarde!
A caballo va el poeta...
¡Qué tranquilidad violeta!

Сон сиреневого цвета
над вечернею тропею!
Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

Перевод П. Грушко

Amo el paisaje verde, por el lado del río.
 El sol, entre la fronda, ilusiona el poniente;
 y, sobre flores de oro, el pensamiento mío,
 crepúsculo del alma, se va con la corriente.

¿Al mar? ¿Al cielo? ¿Al mundo? Que se yo...
 Las estrellas
 suelen bajar al agua, traídas por la brisa...
 Medita el rruiseñor... Las penas son mas bellas,
 y sobre la tristeza florece la sonrisa.

Люблю зеленый берег с деревьями на кромке,
 где солнце заблудилось и кажется вечерним
 и смутные раздумья, душевные потемки,
 плывут среди кувшинок, гонимые теченьем.

К закату? К морю? К миру? В иные ли пределы?
 В реке звезда плеснула, и путь ее неведом...
 Задумчив соловей... Печаль помолодела,
 и в горечи улыбка мерцает первоцветом.

Перевод А. Гелескула

En estas horas vagas que acercan a la noche,
 mi corazón se ahoga y sube hasta mis ojos...
 Da la oración, despierta Venus, pasa el coche
 de las siete, hace frío... Y allá en los cielos rojos,
 el mirador, el campanario, la palmera,
 me traen historias viejas, que están ya sin sentido,
 como si por la bruma de la tarde, yo fuera
 pasando entre jardines, cual un niño dormido...

Y el coche va hacia el tren, y el tren solloza, y lleva
 hacia el mundo,.. ¡hacia el mundo, si todavía existe!
 Y yo sueño, volviendo, con una patria nueva,
 viajero de mis lagrimas, solo, exaltado y triste.

Этой смутной порой, когда воздух темнеет,
 задыхается сердце и рвется на волю...
 Лег туман, отзвонили, звезда леденеет
 над почтовой каретой семичасовою...
 А закат, колокольня и ветви над домом
 наполняются смыслом забытым и странным,
 словно я заблудился в саду незнакомом,
 как ребенок во сне, и смешался с туманом.

Развернется карета, застонут вагоны
 и потянутся вдаль... если есть еще дали!
 Я стою одиноко и замороженно,
 не достигший отчизны паломник печали.

Перевод А. Гелескула

¡Infancia! ¡Campo verde, campanario, palmera,
mirador de colores; sol, vaga mariposa
que colgabas a la tarde de primavera,
en el cénit azul, una caricia rosa!

¡Jardín cerrado, en donde un pajarero cantaba,
por el verdor teñido de melodiosos oros;
brisa suave y fresca, en la que me llegaba
la música lejana de la plaza de toros!

... Antes de la amargura sin nombre del fracaso
que engalano de luto mi corazón doliente,
ruiseñor niño, ame, en la tarde de raso,
el silencio de todos o la voz de la fuente.

Детство! Луг, колокольня, зеленые ветки,
разноцветные стекла высоких террас.
Как огромная бабочка смутной расцветки,
вечер ранней весны опускался и гас.

И в саду, золотом от вечернего света,
птичье пенье росло, чтобы вдруг онеметь,
а прохладные волны приморского ветра
доносили из цирка плакучую медь...

И еще до того, как возник безымянно
и застыл во мне горечью привкус беды,
я любил, соловьинок, в безлюдье тумана
затихание мира и голос воды.

Перевод А. Гелескула

¡Oh triste coche viejo, que en mi memoria ruedas!
 ¡Pueblo, que en un recodo de mi alma te pierdes!
 ¡Lágrima grande y pura, lucero que te quedas,
 tamblando, en la colina, sobre los campos verdes!

Verde el cielo profundo, despertaba el camino,
 fresco y fragante del encanto de la hora;
 cantaba un ruiseñor despierto, y el molino
 rumiaba un son eterno, rosa frente a la aurora.

— Y en el alma, un recuerdo, una lagrima, una
 mano alzando un visillo blanco al pasar un coche..
 la calle de la víspera, azul bajo la luna
 solitaria, los besos de la última noche...

¡Oh triste coche viejo, que en mi memoria ruedas!
 ¡Pueblo, que en un recodo de mi alma te pierdes!
 ¡Lágrima grande y pura, lucero que te quedas,
 temblando, en la colina, sobre los campos verdes!

Ты все катишь, бывое, в бедной старой карете.
 Ты все таешь, мой город, возле сердца пригретый
 И слезою ты стынешь, о звезда на рассвете,
 над зеленой долиной и над бедной каретой.

Зеленой стало небо, ожила мостовая.
 Пряной свежестью ранней по обочинам вест.
 И жуют свое эхо не переставая
 ветряки, на которых заря розовеет.

А душа вспоминает муку слов торопливых,
 белый всплеск занавески вслед карете бессменной
 переулочек вечерний в синих лунных отливах,
 поцелуи той ночи, последней, мгновенной...

И все катит бывое в бедной старой карете.
 И все тает мой город, возле сердца пригретый.
 И одна ты светлеешь, о звезда на рассвете,
 над зеленой долиной и над бедной каретой.

Перевод А. Гелескула

El viento se ha llevado las nubes de tristeza;
 el verdor del jardín es un fresco tesoro;
 los pájaros han vuelto detrás de la belleza
 y del ocaso claro surge un verjel de oro.

¡Inflámame, poniente: hazme perfume y llama;
 — ¡que mi corazón sea igual que tu, poniente! — ;
 descubre en mí lo eterno, lo que arde, lo que ama,
 ...y el viento del olvido se lleve lo doliente!

Под ветром растаяла туча сырая,
 деревья подобны искрящимся кладам,
 и первые птицы вернулись из рая —
 и вырос закат заколдованным садом.

Зажги, о закат, мою душу и тело,
 чтоб сердце, как ты, пламенело и крепло,
 и жарче любило, и ярче горело.
 ...а ветер забвенья избавит от пепла...

Перевод А. Гелескула

Yo no se quien la olvido.
Me la encontré por la yerba.
Al cojerla, sentí como
si alguna mujer me viera.

Tenia un aroma vago,
que voló al instante; queda
solo el recuerdo del sueño
del placer de aquella esencia.

Tocando con ella, vi
como novias, como estrellas,
un prado lleno de rosas,
un alba de primavera;
una cosa tierna y pura
— que me inundaba de pena,
que empezaba sonriendo
y acababa entre querellas...
Melancólico o alegre,
sonrio o sollozo en ella,
y siento en mi alma como
si alguna mujer me oyera.

Не знаю, кем она забыта...
Подняв ее с травы лесной,
я ощутил смущенье — словно
следила женщина за мной...

И в тот же миг поверхность флейты
покинул пряный аромат —
осталась память сновиденья,
благоуханного стократ.

Я заиграл на ней: так странно
мне подарил певучий звук
весеннюю зарю, девчушек
и розами покрытый луг,
нежданную печаль и нежность,
стеснившую смущеньем грудь,
как будто беглая улыбка
спешит во вздохе потонуть...
Грусть и веселье, смех и стоны
лились, как будто в полусне, —
так, словно женщина внимала
неведомо откуда мне...

Перевод П. Грушко

Le he puesto una rosa fresca
a la flauta melancólica:
cuando cante, cantara
con música y con aroma.

Tendrá una voz de mujer,
vacilante, arrulladora,
plata con llanto y sonrisa,
miel de mirada y de boca.

— Y sera cual si unos finos
dedos jugasen con combra
por los leves agujeros
de la caña melodiosa.—

¡Tonada que no sé yo,
oída una tarde en la fronda;
tonada que fuí a cojer
y que huía entre las hojas!

Para ver si no se iba,
la engañe con una rosa:
cuando llöre, llorara
con música y con aroma.

Я розу грустную в тот вечер
в задумчивую флейту вдел,
чтоб музыкой и ароматом
озвучила сырой предел.

Пусть оживет в ней женский голос,
растерянность и доброта,
хрусталь печали и улыбки,
мед взгляда нежного и рта.

Пусть темнота и трепет пальцев
перебирают неспеша
ленивые уста, в которых
очнулась песня камыша —

точь-в-точь напев неразличимый,
слетающий с вечерних крон,
когда, едва коснувшись слуха,
меж листьев ускользает он...

И вот я розу к ней приставил,
чтоб не могли ее унестъ, —
пусть музыкой и ароматом,
рыдая, подает мне весть.

Перевод П. Грушко

40. LUNA SOLA

Cesó el clarín agudo, y la luna esta triste.
Grandes nubes arrastran la nueva madrugada.
Ladra un perro alejándose, y todo lo que existe
se hunde en el abismo sin nombre de la nada.

La luna dorara un viejo camposanto...
Habrá un verdín con luna sobre una antigua almena.
En una fuente sola, sera una luna en llanto...
Habrá una mar sin nadie, bajo una luna llena...

40. ОДИНОКАЯ ЛУНА

Отзвучала сирена, и луна все печальней.
Потянуло с востока дорассветным туманом.
Лай собак замирает на окраине дальней,
и весь мир исчезает, потонув в безымянном.

Свет луны разольется по кладбищенским ивам...
Вспыхнет мох под луною на старинном соборе...
Заблестят ее слезы в роднике торопливом...
И земля опустеет. И останется море...

Перевод А. Гелескула

Arte menor
Poemas agrestes
Laberinto
Melancolía
Poemas impersonales

Простое искусство
(1909)

Деревенские стихи
(1910-1911)

Лабиринт
(1910-1911)

Печаль
(1910-1911)

Всеобщие стихи
(1911)

41. OTOÑO ULTIMO

Ya el árbol no es de hojas secas,
ya el árbol solo es de sol.
— ¡Arbolito que era ayer
de oro yerto de dolor! —

Ya el árbol se ha resignado
a su sereno morir.
Dos meses de sentimiento
le han hecho su oro feliz.

41. КОНЕЦ ОСЕНИ

Это дерево с ветхой листвою
стало солнечным шаром литым, —
это дерево скорбное стало
склепом мертвенным... и золотым.

Приготовилось к смерти спокойно,
примирилось уже, что мертво...
Два томительных месяца муки
позлатили страдания его.

Перевод П. Грушко

42. ANTEPRIMA VERA

Llueve sobre el río...

El agua estremece
los fragantes juncos
de la orilla verde...
¡Ay, que ansioso olor
a pétalo frío!

Llueve sobre el río...

Mi barca parece
mi sueño, en un vago
mundo. ¡Orilla verde!
¡Ay, barca sin junco!
¡Ay, corazón frío!

Llueve sobre el río...

42. ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Капли над водою...

По речным затонам
камыши пригнуло
к берегам зеленым.
Как дохнуло горько
поле молодое!

Капли над водою...

О челнок мой утлый —
в беспросветном мире,
как надежда, смутный!
Над рекой седою —
сердце сиротою!..

Капли над водою...

Перевод А. Гелескула

43. EL VIAJE DEFINITIVO

...Y yo me iré. Y se quedarán los pájaros
cantando;
y se quedará mi huerto, con su verde árbol,
y con su pozo blanco.

Todas las tardes, el cielo será azul y placido;
y tocarán, como esta tarde están tocando,
las campanas del campanario.

Se morirán aquellos que me amaron;
y el pueblo se hará nuevo cada año;
y en el rincón aquel de mi huerto florido y encalado,
mi espíritu errará, nostálgico...

Y yo me iré; y estaré solo, sin hogar, sin árbol
verde, sin pozo blanco,
sin cielo azul y placido...
Y se quedaran los pájaros cantando.

43. КОНЕЧНЫЙ ПУТЬ

...И я уйду. А птица будет петь
как пела,
и будет сад, и дерево в саду,
и мой колодец белый.

На склоне дня, прозрачен и спокоен,
замрет закат, и вспомнят про меня
колокола окрестных колоколен.

С годами будет улица иной;
кого любил я, тех уже не станет,
и в сад мой за беленою стеной,
тоскуя, только тень моя заглянет...

И я уйду; один — без никого,
без вечеров, без утренней капли
и белого колодца моего...
А птицы будут петь и петь, как пели.

Перевод А. Гелескула

Me metí en el arbusto.
¡Ay, cómo olía,
como olía a la vida!

Me metí en la corriente.
¡Ay, como huía,
como huía a la vida!

Я погрузился в рощу.
Как роща благоухала!
Благоухала — непостижимо!

Я погрузился в речку.
Как она убегала!
Как убегала — непостижимо!

Перевод Н. Горской

45. A ANTONIO MACHADO

¡Amistad verdadera, claro espejo
en donde la ilusión se mira!
... Parecen esas nubes
más bellas, más tranquilas.
Siento esta tarde, Antonio,
tu corazón entre la brisa.

La tarde huele a gloria.
Apolo inflama fraternales liras,
en un ocaso musical de oro,
como de mariposas encendidas;
liras plenas y puras,
de cuerdas de ascuas líquidas,
que guirnaldas de rosas inmortales
decoraran, un día.

Antonio, ¿sientes esta tarde ardiente,
mi corazón entre la brisa?

45. К АНТОНИО МАЧАДО

Как в зеркало, в дружбу
глядят наши души...
А на закате стало небо
еще спокойней и бездонней.
Сегодня вечером повсюду
тебя я чувствую, Антонио.

А этот Аполлонов вечер,
он пахнет музыкой и раем,
и наши лиры мотыльками
в закатном пламени сгорают.
Ах, наши лиры на закате,
где струны — огненные струи!
Не к ним ли завтра эти розы
прильнут бессмертным поцелуем?

А ты — в дали, где солнце тонет, —
ты помнишь обо мне, Антонио?

Перевод С. Гончаренко

46.(Guipúzcoa)

El techo del vagón tiene un albor — ¿ de dónde? —
y los turbios cristales, desvanecidos, lloran...
Fuera, entre claridades que van y vienen, hay
una conjuración de montaña y de sombra.

Los pueblos son de niebla bajo la madrugada;
es como un sueño vago de praderas humosas;
y las rocas, ¿enormes?, están sobre nosotros,
unminentes, perdidas las cimas en la hora.

No pára el tren... Tras unos cristales alumbrados,
a través de la lluvia, cansada y melancólica,
una mujer, confusa, bella, medio desnuda,
nos dice adiós...

— ¡Adiós!

El agua habla, monótona.

46.(Гипускоа)

На потолке вагона размытый блик — светает?
Заплаканные окна туманятся белесо...
Смыкаются разрывы — и снова пролетают
прильнувшие друг к другу потемки и утесы.

Селенья пеленою окутаны, как снами,
которыми забылись сырые луговины;
несокрушимы скалы, встающие над нами,
в тумане — или в небе? — пропав до половины.

Без остановки мимо... За изморосью хмурой
в мутнеющем оконце бегущего вагона
мелькнет полунагая прекрасная фигура:
— Прощай!

— Прощай!

Лишь капли бормочут монотонно.

Перевод Б. Дубина

Entre nubes dramáticas, surge, sucia, la aurora
 — ¿el naciente?, ¿el poniente? — Los confusos molinos,
 cerrados, espectrales, jiran inútilmente
 al viento melancólico del sur entristecido.

Valles fantasmagóricos, de una vaga dulzura,
 tienen, entre la niebla, rebaños indecisos.
 La tosca silueta del pastor, sobre un rojo
 cristal de cielo, corta su negrura de idilio.

Pardos pueblos de piedra; cementerios de yeso,
 opacos, sin verdores — ¡Oh, sin rosas, sin nidos! —
 ... Un sol defícil, que descubre, poco a poco,
 campos desiertos de barbechos amarillos...

Беспокойные тучи сочатся зарею —
 утро? вечер? Бесцельно кружат в отдаленье
 крылья сумрачных мельниц за дымкой сырою,
 на унылом ветру расплываясь, как тени.

Полупризрачны и безмятежны долины,
 и туманны отары на склонах белесых.
 Грубо выведен чернью на кромке карминной,
 мирно дремлет пастух, опираясь на посох.

Бурый камень селений; погосты на взгорье —
 и ни ветки зеленой, ни розы, ни птицы!
 Трудно брезжит рассвет в нелюдимом просторе,
 где на брошенной пашне бурьян золотится.

Перевод Б. Дубина

*(Les forêts futures se balancent
imperceptiblement aux forêts
vivantes.*

Maurice de Guerin)

Umbría, el agua corre cerca de nuestra alma.
Pasa un frescor de rosas de arroyo y zarza. El viento
conmueve las estrellas, y trae a nuestra calma
un aroma de prados de amor y sentimiento.

Todavía en la luna yerran claras del día.
En la colina, negra sobre el cielo alumbrado,
una cabra, entre flores, mece la melodía
de un dulce tintineo, doliente y prolongado.

¿Amor adolescente! Aún el alma está tierna,
como la flor de almendro, como la mejorana,
y ya el placer presente le prepara esa interna
campiña de dolor que ha de tornar mañana!

*Les forêts futures se balancent
imperceptiblement aux forêts
vivantes.*

Maurice de Guerin¹

Омыла нам сердца тенистая вода,
и пахнет розами ручей среди малины.
А в небе на ветру колышется звезда,
льют нежный аромат нездешние долины.

Уже царит луна над отсветами дня.
В небесной ясности коза стоит на круче,
одна среди цветов, и падает, звеня,
капель бубенчика протяжно и плачуче.

Любовь так молода! Еще душа нежна,
как цвет на миндале, как стебель майорана,
еще блаженно спят под сердцем семена
грядущих горестей, посеянных так рано!

Перевод А. Гелескула

¹ Грядущие леса скрытно колышутся в нынешних. Морис де Герен (фр.).

(... las tejas
llovidas,
con flores.

J. R. 3.)

El alma de las flores divaga entre la lluvia.
¡Oh flores amarillas de los tejados, flores
que embalsamáis de un dulce perfume penetrante
y nauseabundo el tedio de mi vida sin orden!

Olor como una voz virgen que lastimara;
idilio sin sentido, leyenda de colores
tristes, con casas pobres en bosques solitarios,
con grandes ojos bellos, celestes y precoces...

¡Qué olor y que dolor de flores amarillas,
que tienen el encanto de las cosas de entonces!
... Y duele el corazón nostálgico, lo mismo
que si lo traspasaran las amarillas flores...

(... Черепицы
в дожде
и в цветах.
Х.Р.Х.)

Бродят души цветов под вечерним дождем.
О ростки желтоцвета по кровельным скатам,
вы опять отогрели заброшенный дом
нездоровым и стойким своим ароматом!

Он как голос, который заплакать готов,
или сказка лесная, с лачугой в низине,
где невеселы краски, и много цветов,
и большие глаза нелюдимы и сини...

Привкус горя навек с этим запахом слит
и возник в незапамятно-давние годы...
Крыша пахнет цветами, а сердце болит,
словно эти цветы — его желтые всходы.

Перевод А. Гелескула

50. A UN POETA
para un libro no escrito

Creemos los nombres.

Derivaran los hombres.
Luego, derivaran las cosas.
Y sólo quedara el mundo de los nombres,
letra del amor de los hombres,
del olor de las rosas.

Del amor y las rosas,
no ha de quedar sino los nombres.
¡Creemos los nombres!

50. ПОЭТУ
для ненаписанной книги

Да сотворим имена.

Нам недолгая жизнь дана.
Жизнь вещей — и та коротка.
Остаются навеки одни имена:
не любовь — о любви строка,
не цветок — название цветка.

У любви и цветка
жизнь — бессмертье, когда им даны имена.
Да сотворим имена.

Перевод В. Андреева

Historias
Domingos
El corazón en la mano
Bonanza
La frente pensativa

Истории
(1909-1912)
Воскресные дни
(1911-1912)
Сердце в руке
(1911-1912)
Затишье
(1911-1912)
Задумчивое лицо
(1911-1912)

51.(Otoño)

El cauce va quedando fuera, con la resaca.
Cada vez es mas baja y mas triste la orilla.
Bajo el puente ferroso, el sol, en fuga opaca,
pasa una amarillenta y roja pesadilla.

¡Horizontes del agua! Un enorme diamante
planea, albino, en el ocaso. El laúd tardío
que no puede arribar, ancla, bello y distante,
ante el esmerilado poniente igual y frío.

Es olor todo el ámbito. Por la marisma hueca,
los juncos tienen alas. Y en la lama — ancho viento
el sol que muere, como a una gran hoja seca,
pinta nervios de luz, en tejido sangriento.

51.(Осень)

Русло, ширясь, пустеет от отлива к отливу.
Все мрачней и невзрачней топкий берег низовья.
Под мостом вороненым беглый луч торопливо
разрывает завесу, набухшую кровью.

Кромка моря! Как будто алмазная льдина
в глубь заката дрейфует... Пакетбот запоздалый
бросил якорь в лимане и застыл лебедино
в полированном небе холоднее металла.

Стали запахом дали. В обмелевшей низине —
тростниковые крылья. И, как тусклую ризу,
солнце ткёт — умирая, словно лист на осине, —
световые прожилки по кровавому бризу.

Перевод А. Гелескула

¡Este retrato de niña
doliente!.. ¡Como me mira,
cuando la tarde caída
lo sume en su melodía!

¡Ay, que bienestar, que intima
presencia de estrella mía!
... Gomo una niña divina,
que recordara mi vida.

Y todo se idealiza.
La miseria se hace brisa.
La mano torpe que iba
a la sombra, queda fija.

¡Eternidad, dulce niña!

О эта девушка в раме!
С какой на меня тоскою
глядит она вечерами,
заслушавшись их покоя!..

...Сияя такой родною
звездю пути земного!
...Судьбою, забытой мною,
из мира сойдя иного!

Меняется все, что было,
И жалкая скоротечность,
что мучила и манила,
рассеивается... Вечность,
девический образ милый!

Перевод Б. Дубина

53. PIRINEOS (Nostalgia de domingo)

Al entrar en España, va cayendo la tarde...
En los picos, el sol se eleva eternamente.
— El mundo se abre —. Y los techos de pizarra
se quedan en el foro de los pueblos franceses.

La torre de Sallent repica allá en el fondo.
— Es domingo —. La brisa juega en las peñas verdes.
El ocaso es mas puro cada vez. Huele el sur
rnás. Es más claro el ondear de las mieses.

Por los prados con flor, en una paz de idilio,
mujen, echadas, mansas vacas rosas de leche.
El habla del zagal nos toca el corazón.
La patria va alejando, maternal, a la muerte...

Ventura, soledad, silencio. Las esquilas
llenar, cual las estrellas el cielo, el campo alegre.
Silencio, soledad, ventura. El agua, en todo,
canta entre el descendente reir de los cascabeles...

53. ПИРЕНЕИ (Воскресная ностальгия)

Подъезжаешь к Испании. Стелются тени.
Солнце замерло, стоя с вершинами вровень.
Мир открыт. Очертанья французских селений —
как бледнеющий фон в пятнах шиферных кровель.

Звон сальентских курантов плывет над округой.
Воскресенье. По рошицам ветер резвится.
Все прозрачнее небо. Дыхание юга
все хмельней. Все отчетливей волны пшеницы.

Доцветающий лог безмятежен и ласков,
и коровы мычат, разбредаясь низиной.
В самом сердце звучит переключка подпасков...
Снова родина гибель отводит от сына.

Тишь, безлюдье, блаженство. Омытые доли
в колокольцах, как небо в затепленных звездах.
Тишь, блаженство, безлюдье. Лишь нотой веселой
бубенцам и ручью откликается воздух.

Перевод Б. Дубина

54. FIESTA DE PUEBLO
(Patio de marmol del palacio viejo)

Los arcos están rejios de reflejos granates,
de ámbar, verdes, del sol en la cristalería;
desbordado, el aljibe, sobre las losas mates,
abre jardines de una auroral pedrería.

Por el ámbito fresco, con ecos metalinos,
gorjea el verdón, libre de su jaula de plata.
El surtidor, enhiesto, raya sus diamantinos
chorros, al sol, en oro, en malva, en escarlata.

... En torno, sueña el campo solo. Las once. Aún suena
la torre; aun el cielo está herido de pitos.
Y, bajo el azul májico, el caserón se llena,
ante la fiesta pobre, de sueños infinitos.

54. ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК
(Мраморный дворик старинного дворца)

Луч в радужной аркаде запутался, играя,
и отсвет зелен, розов, янтарен, фиолетов;
бежит вода из чаши и ниспадает с края
висячими садами несчетных самоцветов.

Осыпал клест округу руладою чеканной,
протившись со своею серебряною клеткой.
Пронизанная солнцем, дрожит струя фонтана,
мерцая то багряной, то золотой расцветкой.

...Долина задремала. Одиннадцать. Ни тени.
Бьет колокол, и небо изранено стрижами.
И под волшебной синью толпятся сновиденья,
на немудреный праздник сходясь в безлюдном храме.

Перевод Б. Дубина

55. CARNAVAL AGRESTE

¡Vienen los días de agua y sol!
¡Alegres días de agua y sol!
— ¡Soledad de mi amor! —
...¡Los tristes días de agua y sol!

¡Domingo azul de carnaval!
¡Oro y lluvia contra el cristal!
— ¡Amor en soledad! —
¡Ocaso gris de carnaval!

— Su alma, en el atardecer, se
disfraza de luz y de fe.
— ¡Soledad de los tres! —
— ¿Me conoces? — No se, no se... —

Vienen los días de agua y sol.
¡Alegres días de agua y sol!
— ¡Soledad de mi amor! —
...¡Los tristes días de agua y sol!

55. СЕЛЬСКИЙ КАРНАВАЛ

Неделя солнца и воды!
Веселье солнца и воды!
— Моей любви, моей беды! —
...Похмелье солнца и воды!

Над карнавальной суетой
бьет в окна ливень золотой!
— А сердце бродит сиротой! —
И вечер серый и пустой...

— В ее зрачках вечерний свет,
как будто верности обет.
(Вечерний свет, неверный свет!)
— Не узнаешь? — И да и нет...

Неделя солнца и воды!
Веселье солнца и воды!
— Моей любви, моей беды! —
...Похмелье солнца и воды!

Перевод А. Гелескула

56. EL PAJARITO VERDE
(La niña)

Morado y verde limón
estaba el poniente, madre.
Morado y verde limón
estaba mi corazón.

¡Verdugones de los golpes
de su rudo corazón!
...Morado y verde limón
estaba el poniente, madre.

56. ЗЕЛЕНАЯ ПТАХА
(Девушка)

Все было к исходу дня
лимонным и синим, мама.
Все было к исходу дня,
как на сердце у меня.

А сердце его глухое
молчало, меня казня!
...Все было к исходу дня
лимонным и синим, мама.

Перевод А. Гелескула

El recuerdo se va
por mi memoria larga, removiendo
con finos pies las hojas secas.

— Detrás, la casa está vacía.
Delante, carreteras
que llevan a otras partes, solas,
yertas.
Y la lluvia que llora ojos y ojos,
cual si la hora eterna se quedase ciega. —

Aunque la casa esta muda y cerrada,
yo, aunque no estoy en ella, estoy en ella.
Y... ¡adiós, tu que caminas
sin volver la cabeza!

Уходит память,
тонкими ступнями
волнуя на ходу сухие листья.

Там, позади, покинутые стены,
а впереди все мертвенней и мгlistей
теснятся по обочинам деревья
и сотни глаз выплакивает ливень —
как будто слепнет замершее время.

Я позади, но дом необитаем,
меня там нет, и вспоминать не надо...
Что ж, распростимся с тою, что уходит,
не бросив даже взгляда!

Перевод А. Гелескула

58. AMOR

Ten cuidado,
cuando besas el pan...
¡Que te besas la mano!

58. ЛЮБОВЬ

Не будь же слеп!
Не поцелуй руки,
целуя хлеб!

Перевод А. Гелескула

¡Tardes de los domingos de] invierno,
cuando todos se han ido!

... El sol verdeamarillo llega,
puro, hasta los rincones fríos;
y en las rosas, cuidadas,
la mañana, con limpio
amor, se oye
la luz.

Parece
la hora ideal un libro mío.

Y ando sonriendo solo por la casa toda.
oliendo con el alma,
recojiendo y besando el pan caído.

Воскресный январский вечер,
когда ни души нет в доме!

...Зелено-желтое солнце
на окнах, и на фронтоне,
и в комнате,
и на розах...
И капают капли света
в пронизанный грустью воздух...
Протяжное время сгустком
застыло
в раскрытом томе...

На цыпочках тихо бродит
душа в опустелом доме,
упавшую крошку хлеба
разглядывая на ладони.

Перевод С. Гончаренко

60. CANCIÓN DE OTOÑO

Por un camino de oro van los mirlos... ¿A donde?
Por un camino de oro van las rosas... ¿A donde?
Por un camino de oro voy... ¿A donde,
otoño? ¿A dónde, pájaros y flores?

60. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

По закатному золоту неба журавли улетают... Куда?
И уносит река золотая золоченые листья... Куда?
Ухожу по жнивью золотому, ухожу и не знаю — куда?
Золотистая осень, куда же?.. Куда, золотая вода?

Перевод С. Гончаренко

61. EL NOSTALJICO

¿Mar desde el huerto;
huerto desde el mar?

¿Ir con el que pasa cantando;
oírlo, desde lejos, cantar?

61. В ТОККЕ

Море за садом?
Сад за кормой?

Слушая песню, идти с нею рядом?
Слушать, как песня прошла стороной?

Перевод А. Гелескула

62. CANCIÓN AGRIDULCE

Un poquito de sol,
y el jardín chorreante chorrea luz, amor.

¡Un poquito de sol,
y mis ojos que lloran llorarán luz, amor!

62. ГОРЬКО СЛАДКАЯ ПЕСНЯ

Вспыхнуло солнце, родная моя,
и лучи вместо ливня пролились на сад.

Вспыхнуло солнце, родная моя,
и глаза мои свет, а не слезы струят.

Перевод С. Гончаренко

63. CANCIÓN DE INVIERNO

Cantan. Cantan.
¿Donde cantan los pájaros que cantan?

Ha llovido. Aun las ramas
están sin hojas nuevas. Cantan. Cantan
los pájaros. ¿En donde cantan
los pájaros que cantan?

No tengo pájaros en jaulas.
No hay niños que los vendan. Cantan.
El valle esta muy lejos. Nada...

Yo no se donde cantan
los pájaros — cantan, cantan —,
los pájaros que cantan.

63. ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Пели. Все время пели.
Где они пели — птицы, которые пели?

В дождевой канители заледенели
голые ветки. Но — пели! Пели
птицы. В каком краю они пели —
птицы, которые пели?

В клетке — ни канарейки, ни свистели.
Птицеловы не проходили. И опустели
рощи. Где ж они пели на самом деле?

Не знаю, где они пели,
птицы... Но пели — пели! —
птицы, которые пели.

Перевод Н. Горской

Pintor que me has pintado
en este cuadro vago de la vida,
tan bien, que casi
parezco de verdad; ¡ay; pín-
ta-me nuevamente, y mal, le modo
que parezca mantira!

Художник, ты изобразил
меня так живо, так правдиво,
что верится мне: это — я;
теперь меня изобрази, во
всем не схожего со мной,
чтоб верилось: изображенье — лживо.

Перевод В. Андреева

Fureza
El silencio de oro
Idilios
Monumento de amor

Чистота

(1912)

Золотое безмолвие

(1911-1913)

Идиллии

(1912-1913)

Памятник любви

(1913-1916)

65.(Abril)

(A Ramón de Basterra)

Riegan nuestro jardín. Huele a violetas
aún. En el renovado laurel, el gorrión inicia
la Marsellesa.

¡Oh, qué delicia,
amigo, ser poetas
y esperar, como a un dios, a abril florido!

¡Trueque de almas y de cielos!
En los huevos del nido
del corazón, a la serena luz templada,
sentimos un moverse de polluelos,
entre un olor a lirio apetecido
y a rosa deseada.

¡Corazón perenal, laurel sin nombre, blando
sol del alma:

Viva la hora venidera!

... Bajo el arco que, afuera,
nos pone el agua azul de primavera,
la nidada, por dentro, está piando.

65.(Апрель)

Рамону де Бастерре

Сад поливают. Свеже пахнет ранней
фиалкою. На лавре орошенном
ликуют воробей.

Как хорошо нам,
поэтам, в ожиданье
апреля, словно бога молодого!

Душа яснее вместе с небесами!
И сердце, как гнездо, уже готово
под кротким этим светом
ожить новорожденными птенцами, —
овейное розою медовой
и ландышевым цветом.

Зеленый лавр мой, сердце молодое,
заря души:

— Так здравствуй, час грядущий!

...Не умолкает выводок, поющий
из потаенной кущи,
омытой вешней голубой водою!

Перевод Б. Дубина

66.(Aldea)

Fría es la noche y pura.

La luna, limpia, albea
oblicuamente la pared.

Oscura
y redonda, la salvia, que menea
sus cálices mojados de relente,
embriaga la paz.

La estrella Hora,
virando hacia el poniente,
verde temblor sobre la sola acacia...

Se oye jirar el mundo...

Y en la hora
clara y llena de gracia,
lo que es humilde tiene
una belleza eterna: el descansado y blando
rucio que llama, en alto bando,
a un hermano; la brisa distraída
de la pobre ribera conocida;
el tardo grillo; el gallo alerta

66.(Деревня)

Свежеет ночь, светлея.

Луной, уже косою,
белен забор.

Соцветия шалфея
под крупную росую
закрылись и почти не шевелятся,
но все душистее.

Зеленой дрожью
сквозит звезда из гушины акаций,
катясь во тьму слезинкою глухою...

Вращается земля...

И в час погожий,
в забытый час привета и покоя,
сама неприхотливость
прекрасна навсегда: и эти кони,
что мягким ржаньем на далеком склоне
зовут друг друга;
и сонный бриз; и нишая излука;
и трель сверчка... Петух звонкоголосый

que, un momento, despierta
las rosas con su voz que quiebra albores
por los llanos del alba...

Belén viene
a todos los corrales...

Casi incoloros, los colores
parecen de cristales...

ударил зорю, пробуждая розы
и высекая первый блик рассветный
в долинах неба...

Вифлеем нисходит
в любой закут невзрачный...

Цвета почти бесцветны
и как стекло прозрачны...

Перевод Б. Дубина

67.(Aldea)

El cordero balaba dulcemente.
El asno, tierno, se alegraba
en un llamar caliente.
El perro ladreaba,
hablando casi a las estrellas...

Me desvelé, Salí. Vi huellas
celestes por el suelo
florecido
como un cielo
invertido.

Un vaho tibio y blando
velaba la arboleda;
la luna iba declinando
en un ocaso de oro y seda,
que parecía un ámbito divino...

Mi pecho palpitaba,
como si el corazón tuviese vino...

Abrí el establo a ver si estaba
El allí.
¡Estaba!

67.(Деревня)

Блеял ягненок, малыш-непоседа,
осел, вдохновенно и страстно,
рассказывал что-то соседу.
И пес громогласно
со звездами вел беседу.

Я пробудился. И вышел. И слепо
пошел по небесному следу,
по волнам цветочного полотна,
по росному слепку
облачного руна.

В мареве теплом неясном
опушка ближнего леса;
горизонт, золотой и атласный,
полон лунного блеска,
как сказочная страна.

В груди какие-то всплески,
словно плещет струя вина.

Дверцу в сказку я приоткрыл с опаской —
и Младенца в яслях осветила луна.

Перевод Н. Горской

68. VÍSPERA

¡Hora morada y profunda,
áurea y roja de calidos luceros!

— Altas, profusas, lejanas,
multiplican, oscuras, las campanas
sus sonos pregoneros. —

El ambiente se inunda
de un viento ardiente de pureza,
y un cielo no pintado
se va extendiendo entre las nubes granas
y redondas.
El ángel del pasado lo ha cruzado,
resplandeciendo belleza.

— Altas, profusas, lejanas,
multiplican, oscuras, las campanas
sus sonos vesperales. —

La cabeza febril se me ha doblado
sobre los tibios cristales
del jardín verdeazul en la penumbra,
rosado de los últimos rosales.
Mi corazón se alumbraba
de oro blanco por dentro
súbitamente.

... ¡Ahora sí que encuentro
en mí tu porvenir, puro pasado!

68. БЛАГОВЕСТ

Глубокий час, сиреневый и синий,
в янтарных теплых звездах!

— Плеща колоколами,
как темными крылами,
гудит вечерний воздух. —

Прозрачно растекается в низине
каленный ветер горный,
клоками рдеет облачное пламя,
и небеса просторны.
Ангел детства,
такой же светозарный, тихо реет.

— Плеща колоколами,
как темными крылами,
округа вечерет. —

Последних роз вершится чародейство,
и смутной головою
клонюсь я к саду, к теплым самоцветам,
зелено-голубым за полумглою.
И сердце не печалью,
но золотом и светом
исходит...

Лишь теперь я различаю
грядущий день твой, светлое былое!

Перевод А. Гелескула

69.(Sueño)

Por mi ruina hueca
anda un pausado viento
esta tarde encendida.
— Alrededor, la tierra seca
refulje, en un ondulamiento
de mieses de otra vida. —

... El rumor corresponde
a aquel rumor..., ¿de donde?;
la esencia a aquélla, ¿a cuál esencia? ..
Sí, fué una tarde de esta transparencia
en un campo..., ¿de dónde?

Y el dolor rumoroso y trasparente,
como un verdón trasfigurado,
que va a cantar ya eternamente,
se entra, dorado, por mi vana frente
y sale por mi vano corazón, dorado.

69

Лишь ветер, затихая,
шумит перед закатом
в моей пустой руине.
Вокруг земля сухая
об урожае снятом
печалится доньше.

А ветер так знакомо
другому откликается... какому?
И дышит в этой свежести иная...
Не эту ли прозрачность окоема
я смутно вспоминаю?

И свежесть, как душа зеленой птицы,
к долинам вечных песен отлетая,
в моих глазах пустынных золотится
и, вечности прозрачная частица,
пронизывает сердце, золотая.

Перевод А. Гелескула

70.(Entretiempo)

¡Los arboles deslumbrantes
del otoño, por la tarde,
en esos parajes limpios
del campo, cuando se han ido
todos, y no queda mas
que uno con la soledad!

¡Las cosas que ellos nos dicen!
¡Los inmensos imposibles
que nos transparentan! — ¡Oro
eterno nos quema los ojos! —
¡No acaba la hoja con sol
ante nuestro corazón!

70.(Осень)

Деревья — ярче костра
в осенние вечера...
На прибранном этом поле,
в этом сквозном раздолье,
где нет ни души, они
так бесконечно одни!

Смешны им наши вопросы!
Нас видят эти колоссы
насквозь — прожигает нас
золото вечных глаз.
Душам нашим в укор
солнечный их убор!

Перевод П. Грушко

71. LUZ ULTIMA

Luz en la selva en sombra, ¿te has perdido?

¡Que el sol se fue, luz en la selva en sombra!

Luz, mira: ¿te has quedado
jugando con las verdes hojas!

Di: ¿que harás ya, si el sol tuyo se fué?

... Luz, ven a esta hoja
blanca, y mi sentimiento
oscuro, eternamente, niña rosa, dora.

71. ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ

Луч под вечерней кроной, ты покинут?

Твой день ушел, луч под вечерней кроной!

Взгляни, малыш — ты слишком заигрался
с ее листвой зеленой!

Твой день ушел. Что станется с тобою?

...Останься же на этом
листке бесцветном и мои потемки
позолоти навек последним светом.

Перевод А. Гелескула

Tarde ultima y serena,
 corta como una vida,
 fin de todo lo amado;
 ¡yo quiero ser eterno!

— Atravesando hojas,
 el sol, ya cobre, viene
 a herirme el corazón.
 ¡Yo quiero ser eterno! —

Belleza que yo he visto,
 ¡no te borres ya nunca!
 Porque seas eterna,
 ¡yo quiero ser eterno!

Пришел, как жизнь, короткий,
 прощальный, тихий вечер.
 Конец всему родному...
 А я хочу быть вечным!

Листву в саду кровавая
 и душу мне увеча,
 пылает медь заката...
 А я хочу быть вечным!

Как этот мир прекрасен!
 Не задувайте свечи...
 Будь вечным этот вечер,
 и я да буду вечен!

Перевод С. Гончаренко

¡Tus dos manos, esperanza
mía, y condúceme, enhiesto,
bajo las estrellas puras
del cielo que llevo dentro!

Clara, la una me guíe;
con otra, déjame ciego
en la pureza de nieve
de su palma de lucero.

— ¡Paisajes que, por lo hondo
de mi alma azul, veremos:
lunas de mi corazón,
fuentes de mi sentimiento! —

¡No me dejes mas salir
a los deciertos del cuerpo!
¡Siempre adelante, esperanza,
por dentro de mí, derecho!

Подай мне, надежда, руку,
пойдем *ли* незримый гребень,
туда, где сияют звезды
в душе у меня, как в небе.

Закрой мне другой рукою
глаза и потусторонней
тропинкой веди, слепого
от снега твоей ладони.

Зато мы такие дали
увидим при свете грусти:
под полной луною сердца
любви голубое устье.

Меня схорони во мне же
от жара мирской пустыни
и путь протори в глубины,
где недра, как небо, сини.

Перевод С. Гончаренко

¡Agua corriente eras
 y te me fuiste de las manos!
 ¿En que lecho de amor,
 hecha cristal, te habrás parado,
 corriendo solo dentro de ti misma
 a tu propio mar solo, ardiente y mágico?

¡Oh fresco remolino,
 que empieza, eterno, en ti, y acaba, eterno,
 en ti, y prende lo que ansia
 en su raudal cuajado!

Бездержной волной
 была ты и ушла из-под ладоней!
 На чьей груди замедлится твой бег
 и где замрет он заводью зеркальной —
 и ты уйдешь, затихшая, в себя,
 в глубь жаркого и сказочного моря?

О свежий ключ, который вечно бьет
 в тебе и без конца в тебя уходит,
 затягивая все, чем истомился,
 в оцепенелый свой водоворот!

Перевод А. Гелескула

¡Oh, como me mirabas!
 Parecía
 que te hubiera cortado mi crueldad
 los parpados.

Y yo iba
 — ¡desde tan lejos, a tu lado! —
 como un naufrago negro, a tu alma viva,
 ¡faro de eterna luz, mujer, sobre la carne
 eternamente acojedora de tu orilla!

О, как же ты глядела!
 Казалось,
 моя жестокость откромсала веки.

И я рванулся, —
 из последней дали! —
 как тонущий, к живой твоей душе,
 на вечный свет к радушью маяка
 на берегу спасительного тела!

Перевод А. Гелескула

76.(Oberónsolo)

No te he tenido más en mí,
que el no tiene al árbol de la orilla;
yo, pasando, me estaba siempre en tu alma;
tú, estando en mi alma siempre, nunca te venías...
Bastaba un cielo ciego, un pobre viento,
para que desaparecieras de mi vida.

76.(Оберон—один)

Ты мне принадлежала,
как отраженье дерева реке,
и я, не разлучаясь, убежал,
и ты, не разлучаясь, оставалась...
Но стоило подуть однажды ветру
и небу потемнеть, как ты исчезла.

Перевод А. Гелескула

77.(OberónaTitania)

Mar en calma, la noche plateada
se ofrece, inmensa, a mi amargura:
ruta total de puro azul
para ultraocazos solos de ventura última.

¡Si llegara yo a ti,
nadando en esta luna!

77.(ОберонкТитании)

На море штиль, серебристая ночь
хочет помочь мне развеять унынье.
Путь до тебя и закатов твоих
выстелен сплошь неподдельной синью.

Ах, если бы мне
доплыть до тебя на этой луне!

Перевод М. Самеева

Sonetos espirituales
Estío

Духовные сонеты
(1914-1915)
Лето
(1915)

78. NADA

A tu abandono opongo la elevada
torre de mi divino pensamiento.
Subido a ella, el corazón sangriento
verá la mar, por el empurpurada.

Fabricare en mi sombra la alborada,
mi lira guardare del vano viento,
buscare en mis entrañas mi sustento...
Mas ¡ay!, ¿y si esta paz no fuera nada?

¡Nada, sí, nada, nada!.. — O que cayera
mi corazón al agua, y de este modo
fuese el mundo un castillo hueco y frío...

Que tú eres tu, la humana primavera,
la tierra, el aire, el agua, el fuego, ¡todo!
... ¡y soy yo solo el pensamiento mío!

78. НИЧТО

Высокой мысли башню крепостную
в твоей глуши я выстрою на взгорье,
и сердце с высоты осветит море,
багряной пеной волны коронуя.

Я сам затеплю искру золотую,
в моих потемках сам зажгу я зори,
в себе самом, единственной опоре,
обретший мир... А будь это впустую?

Ничем, ничем!.. И сердце, остывая,
пойдет ко дну, и крепостные своды,
холодные, застынут нелюдимо...

Ты — это ты, весна! Душа живая,
ты воздух и огонь, земля и воды!
...а я лишь мысль и ничего помимо...

Перевод А. Гелескула

79. RETORNO FUGAZ

¿Gomo era, Dios mío, como era?
— ¡Oh corazón falaz, mente indecisa! —
¿Era como el pasaje de la brisa?
¿Gomo la huida de la primavera?

Tan leve, tan voluble, tan lijera
cual estival vilano... ¡Sí! Imprecisa
como sonrisa que se pierde en risa...
¡Vana en el aire, igual que una bandera!

¡Bandera, sonreír, vilano, alada
primavera de junio, brisa pura...
¡Que loco fue tu carnaval, qué triste!

Todo tu cambiar trocóse en nada
— ¡memoria, ciega abeja de amargura! —
¡No se como eras, yo que sé que fuiste!

79. МИМОЛЕТНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как это было, как все было, Боже?
— Ты лживо, сердце. Разум, ты в смятенье.
Все было словно ветра дуновенье?
Или на легкий бег весны похоже?

Так зыбко было, словно в летней дрожи
пух одуванчика, одно мгновенье
живущего... И так исчезновенье
улыбки в смехе незаметно тоже...

Дыханье ветра, одуванчик, крылья
весны июньской, тонкая улыбка...
— о память горькая, пчела слепая! —

все перешло в ничто — и без усилия
малейшего... все так легко, так зыбко...
И знать — что ты была, какой — не зная!

Перевод В. Андреева

80. OCTUBRE

Estaba echado yo en la tierra, enfrente
del infinito campo de Castilla,
que el otoño envolvía en la amarilla
dulzura de su claro sol poniente.

Lento, el arado, paralelamente
abría el haza oscura, y la sencilla
mano abierta dejaba la semilla
en su entraña partida honradamente.

Pense arrancarme el corazón, y echarlo,
pleno de su sentir alto y profundo,
al ancho surco del terruño tierno;
a ver si con romperlo y con sembrarlo,
la primavera le mostraba al mundo
el árbol puro del amor eterno.

80. ОКТЯБРЬ

Я наземь лег — и, ярко догорая,
вечерняя заря передо мною
слилась в одно с осенней желтизной
и кастильском поле без конца и края.

За плугом борозда, еще сырая,
ложились параллельно с бороздою,
и пахарь шел, рукой своей простою
в земное лоно зерна посылая.

И думал я: настало мое время —
я вырву сердце, звонкое, живое,
вручу земле, пока не отзвенело,
и поглядим, взойдет ли это семя,
чтоб по весне высокою листвою
нетленная любовь зазеленела.

Перевод А. Гелескула

Se entro mi corazón en esta nada,
 como aquel pajarillo, que, volando
 de los niños, se entro, ciego y temblando,
 en la sombría sala abandonada.

De cuando en cuando, intenta una escapada
 a lo infinito, que lo esta engañando
 por su ilusión; duda, y se va, piando,
 del vidrio a la mentira iluminada.

Pero tropieza contra el bajo cielo,
 una vez y otra vez, y por la sala
 deja, pegada y rota, la cabeza...

En un rincón se cae, al fin, sin vuelo,
 ahogándose de sangre, fría el ala,
 palpitando de anhelo y de torpeza.

И сердце в пустоте затрепетало —
 так залетает с улицы порою
 воробышек, гонимый детворою,
 в немую тьму покинутого зала.

Бездонный мир оконного кристалла
 впотьмах морочит ложною игрою,
 и птица с одержимостью героя
 стремится прочь во что бы то ни стало.

Но темный свод отбрасывает с силой
 за разом раз, пока мятеж убогий
 не обескровит каменная балка.

И падает комок, уже бескрылый,
 и кровью истекает на пороге,
 еще дрожа порывисто и жалко.

Перевод А. Гелескула

82. OCTUBRE

A través de la paz del agua pura,
el sol le dora al río sus verdines;
las hojas secas van, y los jazmines
últimos, sobre el oro, a la ventura.

El cielo, verde, en la mas libre altura
de su ancha plenitud, deja los fines
del mundo en un extremo de jardines
de ilusión. ¡Tarde en toda tu hermosura!

¡Qué paz! Al chopo claro viene y canta
un pájaro. Una nube se desvae
sin color, y una sola mariposa,
luz, se sume en la luz...

Y se levanta
de todo no se que hábito, que trae,
triste de no morir aún más, la rosa.

82. ОКТЯБРЬ

Сквозь бирюзу речной зеркальной глади
луч золотит замшелые глубины;
по золоту последние жасмины
рассыпались и тонут в листопаде.

В зеленом небе, в тихой благодати,
за облаками в отсветах кармина
у края мира высится надмирно
нездешний сад. И дивно на закате.

Какой покой! С поблекшего каштана
смеется дрозд. И облако сникает
бескрасочно, и поздняя пчела
сгорает искрой света...

И нежданно
в каком-то вздохе роза возникает,
тоскуя, что еще не умерла.

Перевод А. Гелескула

83. ESPERANZA

¡Esperar! ¡Esperar! Mientras, el cielo
cuelga nubes de oro a las lluviosas;
las espigas suceden a las rosas;
las hojas secas a la espiga; el yelo
sepulta la hoja seca; en largo duelo,
despide el ruiseñor las amorosas
noches; y las volubles mariposas
doblan en el caliente sol su vuelo.

Ahora, a la candela campesina,
la lenta cuna de mis sueños mecen
los vientos del octubre colorado...

La carne se me torna más divina,
viejas, las ilusiones encanecen,
y lo que espero ¡ay! es mi pasado.

83. НАДЕЖДА

Надеяться! И ждать, пока прохлада
туманом наливается дождливым,
сменяет розу колос, и по жнивям
желтеют отголоски листопада,
и с летом соловьиная рулада
прощается печальным переливом,
и бабочка в полете торопливом
теплу недолговременному рада.

У деревенской лампы закоптелой
мою мечту качая в колыбели,
осенний ветер шепчет над золою...

Становится нездешним мое тело,
и старые надежды поседели,
а я все жду и жду... свое былое...

Перевод А. Гелескула

Para quererte, al destino
 le he puesto mi corazón.
 ¡Ya no podrás libertarte
 — ¡ya no podre libertarme! —
 de lo fatal de este amor!

No lo pienso, no lo sientes;
 yo y tu somos ya tu y yo,
 como el mar y como el cielo
 cielo y mar, sin querer, son.

Судьба взяла мое сердце
 и тебя вложила мне в грудь.
 Ты меня не можешь отторгнуть,
 я тебя не могу отторгнуть, —
 друг без друга нам не вздохнуть!

Ты и я, я и ты — это мы с тобою,
 эти звенья не разомкнуть!
 Море и небо, связанные судьбою,
 небо и море суть.

Перевод Н. Горской

85. 17 DE JULIO

Como el niño que, harto
de estudiar, pinta sueños,
sin gana y sin motivo;
hastiado, el pensamiento
va de pajarero mudo
a nube sin luz, de eco
de cámara vacía
a flor sin sentimiento...

— ¿Que humos inventaron
la palabra desierto? —

La tierra, el cielo y yo
solos.

Aburrimento.

85. 17 ИЮЛЯ

Как мальчик, сытый по горло
учебой, что-то рисует —
без цели и без сюжета,
так и я бездумно тасую
птиц безголосых,
тучу безгрозовую, пустую
комнату без отголосков
и цветы без цвета...

...Сколько слов туманных,
произнесенных все!..

Тоскуют земля и небо,
и я —
тоскую.

Перевод Н. Горской

Saco mi esperanza, igual
que una deslumbrante joya,
de mi corazón — su caja —,
la paseo entre las rosas,
la mimo, como a una hija,
una hermana, o una novia,
la miro infinitamente,
... y la guardo, otra vez, sola.

Надежду свою, подобно
блестящемуукрашенью,
из сердца, как из футляра,
я бережно вынимаю;
и с ней гуляю по саду,
и нянчу ее, как дочку,
и, как невесту, ласкаю,
...и вновь одну оставляю.

Перевод Н. Ванханен

Me adelanté el corazón,
como si fuera un reló,
hacia la hora tranquila...

Pero no vino la dicha
— la dicha estaba en su puesto
y aquel ardid era necio —,
¡ni fue el punto nunca, nunca!

— Ya la realidad, confusa,
vivía en la hora pasada
de aquella desesperanza. —

¡Con qué dolor volví atrás
tu hora, corazón sin paz!

Мое сердце ушло вперед, —
так часы убыстряют ход,
размечтавшись о светлом часе...

Но ко мне не явилось счастье:
уломать его не дано
никому из нас — ведь оно
не отметка на циферблате!

Хмурой явью заволокло
это суетное число,
обреченное на распятые...

Отвожу, объятый тоской,
стрелку сердца на непокой!

Перевод П. Грушко

Por doquiera, flechas de oro
 matan al verano. El aire
 lleva penas diluidas,
 como venenos la sangre.

Todo — las alas, las flores,
 la luz — se va de viaje.
 ¡Qué de despedidas tristes!
 El corazón al mar sale.

Escalofríos y lágrimas.
 — ¿Adonde os vais? — ¿Donde estáis?
 Todo a todo le pregunta.
 Nada ni nadie lo sabe...

Летят золотые стрелы
 с осеннего поля брани.
 И в воздухе боль сочится,
 как яд, растворенный в ране.

А свет, и цветы, и крылья —
 как беженцы на причале.
 И сердце выходит в море.
 И столько вокруг печали!

Все жалобно окликает,
 все тянется за ответом —
 и слышно: — Куда вы?.. Где вы?.. —
 Ответ никому не ведом...

Перевод А. Гелескула

89. CONVALECENCIA

Solo tu me acompañas, sol amigo.
Corno un perro de luz, lames mi lecho blanco;
y yo pierdo mi mano por tu pelo de oro,
caída de cansancio.

¡Que de cosas que fueron
se van... mas lejos todavía!

Callo

y sonrío, igual que un niño,
dejándome lamer de ti, sol manso.

... De pronto, sol, te yergues,
fiel guardián de mi fracaso,
y, en una algarabía ardiente y loca,
ladras a los fantasmas vanos
que, mudas sombras, me amenazan
desde el desierto del ocaso.

89. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Лишь ты со мною, солнце, друг душевный!
Как пес, ты лижешь кромку одеяла,
и в золотой подшерсток зарываюсь
рукой усталой.

И все пережитое
отходит... дальше... дальше!

Я немею

и только улыбаюсь как ребенок,
почти утешен ласкою твоею.

Глаз не смыкаешь, солнце,
надежный сторож всех моих падений,
и, заходясь невнятицей и гневом,
бросаешься на тени,
пустые наваждения, безмолвно
грозящие в закатном запустенье.

Перевод Б. Дубина

Diario de un poeta recién casado
Eternidades

Дневник поэта-молодожена
(1916)

Вечные мгновения
(1916-1917)

(Madrid, 20 de enero)

Clavo débil, clavo fuerte...
Alma mía, ¡que mas da!
Fuera cual fuera la suerte,
el cuadro se caerá.

(Madrid, 20 января)

Гвоздь потоньше, гвоздь потолще...
Что с того, какой войдет?
Как ни бейся, мое сердце,
а картина упадет.

Перевод А. Гелескула

(Birkendene, Caldwell. 20 de febrero)

Te deshoje, como una rosa,
para verte tu alma,
y no la vi.

Mas todo en torno
— horizontes de tierras y de mares
todo, hasta el infinito,
se colmo de una esencia
inmensa y viva.

(20 февраля)

Тебя, как розу,
я растерзал, отыскивая душу,
и не нашел ее.

Но все вокруг,
весь оком и все за оком —
и море, и земля —
все налилось
живительным и смутным ароматом.

Перевод А. Гелескула

92. SILENCIO

Hasta hoy la palabra
«silencio»
no cerró, cual con su lapa,
el sepulcro de sombra
del callar.

¡Hasta hoy,
cuando en balde esperé
que tú me respondieras,
habladora!

92. МОЛЧАНИЕ

Ни разу до этой минуты
так тяжело не падало слово
«молчи» —
словно рот забывая
землею...

До этой минуты,
когда так напрасно я ждал,
что ты мне ответишь,
болтунья!

Перевод А. Гелескула

93. ¡YA!

(20 de junio, cuatro de la mañana)

Aun la luna, encallada ya en el día,
deslumbra
la noche ríe la media mar moraría,
en donde, llenas por el noroeste,
moradas velas lucen
en su alegre henchimiento,
el rosa del oriente...
El faro todavía, plata ya y pequeño,
grita, tres veces cada vez:
¡Tierra, tierra, tierra!

Tierra, de nuevo. La última,
la primera, la mía,
¡la tierra!

93. НУ, НАКОНЕЦ!

(20 июня, четыре утра)

Луна, еще не снятая с мели,
слепит
ночную половину моря,
темно-лилового, где, полные норд-вестом,
темно-лиловые разбухли паруса,
отсвечивая розою востока...
Посеребренный маленький маяк
выкрикивает трижды:
— Земля! Земля! Земля!

Опять земля.
Последняя. И первая. Моя.
Земля!

Перевод М. Самаева

Tira la piedra de hoy,
olvida y duerme. Si es luz,
mañana la encontrarás,
ante la aurora, hecha sol.

Камень вчерашнего дня
брось и усни. И опять
он возвратится к тебе
утренним солнцем сиять.

Перевод Н. Ванханен

Vino, primero, pura,
vestida de inocencia;
y la ame como un niño.

Luego se fue vistiendo
de no sé que ropajes;
y la fui odiando, sin saberlo.

Llego a ser una reina,
fastuosa de tesoros...
¡Que iracundia de yel y sin sentido!

...Mas se fue desnudando.
Y yo le sonreía.

Se quedo con la túnica
de su inocencia antigua.
Crefí de nuevo en ella.

Y se quito la túnica,
y apareció desnuda toda...
¡Oh pasión de mi vida, poesía
desnuda, mía para siempre!

Впервые она предстала
в одеждах белее снега, —
я, словно мальчишка, влюбился.

Менять принялась наряды:
один роскошней другого, —
я стал ее ненавидеть.

Затем предстала царицей
в сверканье камней драгоценных,
я был вне себя от гнева.

...Но стала она раздеваться.
И я тогда улыбнулся.

Осталась она в тунике —
прекрасна и непорочна.
И вновь я в нее влюбился.

Но вот сняла и тунику,
она впервые — нагая...
О страсть моей жизни, поэзия —
нагая, моя — навеки!

Es verdad ya. Mas fue
tan mentira, que sigue
siendo imposible siempre.

Сегодняшняя правда
была настолько ложью,
что так и не смогла осуществиться.

Перевод А. Гелескула

A la puente del amor,
 piedra vieja entre altas rocas
 — cita eterna, tarde roja —,
 vengo con mi corazón:

*Mi novia sola es el agua,
 que pasa siempre y no engaña,
 que pasa siempre y no cambia,
 que pasa siempre y no acaba. -*

Я снова у мостá любви,
 соединяющего скалы, —
 свиданье вечно, тени алы —
 забудься, сердце, и плыви.

*— Мне за подругу вода речная:
 не изменяясь, не изменяя,
 она проходит, и век не минет,
 и покидает, и не покинет.*

Перевод А. Гелескула

El dormir os como un puente
que va del hoy al mañana.
For debajo, como un sueño,
pasa el agua.

Твой сон — как мост в ночных просторах,
ты по нему бредешь в тиши.
Внизу — как сновиденье — шорох
не то воды, не то души.

Перевод П. Грушко

Te conocí, porque al mirar la huella
de tu pie en el sendero,
me dolió el corazón que me pisaste.

Corrí loco; busqué por todo el día,
como un perro sin amo.

...¡Te habías ido ya! Y tu pie pisaba
mi corazón, en un huir sin término,
cual si él fuera el camino
que te llevaba para siempre...

Я узнал его, след на тропинке,
по тому, как заныло сердце,
на которое лег он печатью.

И весь день я искал и плакал,
как покинутая собака.

Ты исчезла... И в дальнем бегстве
каждый шаг твой ложился на сердце,
словно было оно дорогой,
уводившей тебя навеки.

Перевод А. Гелескула

¡No corras, ve despacio,
que adonde tienes que ir es a ti solo!

¡Ve despacio, no corras,
que el niño de tu yo, reciennacido
eterno,
no te puede seguir!

Но торопись, поскольку все дороги
тебя ведут единственно к себе.

Не торопись, иначе будет поздно,
иначе твое собственное «я»,
ребенок, что ни миг — новорожденный
и вечный,
не догонит никогда!

Перевод А. Гелескула

101. MENDIGOS

¡Aunque sea lo que dice
un pajarillo, al pasar!..

¡El aroma que una rosa
deja en unos ojos suaves!..

— ¡El celeste brillo que
se evapora en una lagrima!.

101. НИЩЕТА

— Хотя бы отзвук птицы,
заглохший на лету!

— Забытый запах розы
в заботливых глазах!

— И синий отсвет неба,
погасший на слезах!

Перевод А. Гелескула

Se entró en mi frente el pensamiento negro,
como un ave nictálope,
en un cuarto, de día.

— ¡No sé qué hacerle para que se vaya!

Esta aquí, quieto y mudo,
sin ver las aguas ni las rosas.

Явилась черная дума,
как будто бы птица ночи
и окно среди дня влетела.

Как выгнать ее — не знаю!

Сидит неподвижно, молча,
цветам и ручьям чужая.

Перевод Н. Ванханен

Cada chopo, al pasarlo
 canta, un punto, en el viento
 que esta con el; y cada uno, al punto
 — ¡amor! —, es el olvido
 y el recuerdo del otro.

Solo es un chopo — ¡amor! —
 el que canta.

Мимо иду — тополя
 песню поют под ветром;
 и каждый, и каждый, когда прохожу, ---
 о любовь! — забвенье
 и воскрешенье другого.

Один только тополь, один — о любовь! —
 поющий!

Перевод В. Андреева

104. CANCIÓN

Me colmó el sol del poniente
el corazón de onzas doradas.
Me levante por la noche
u verlas. ¡No valían nada!

De onzas de plata, la luna
de madrugada llenó mi alma.
Cerré mi puerta, en el día.
por verlas. ¡No valían nada!

104. ПЕСЕНКА

Душу мне солнце заката
озолотило вчера.
Золото вынул я ночью,
глянул. Одна мишура!

Сердцу луна на рассвете
бросила горсть серебра.
Двери я запер наутро,
глянул. Одна мишура!

Перевод А. Гелескула

105. MUERTO

Quedó fijo su peso:
un platillo en el cieno;
un platillo en el cielo.

105. МЕРТВЫЙ

Остановились чаши на весах:
одна в земле,
другая в небесах.

Перевод А. Гелескула

Sé bien que soy tronco
 del árbol de lo eterno.
 Sé bien que las estrellas
 con mi sangre alimento.
 Que son pájaros míos
 todos los claros sueños...
 Sé bien que, cuando el hacha
 de la muerte me tale,
 se vendrá abajo el firmamento.

Я знаю, наверно, —
 я вечности древо
 и кровью моею
 накормлены звезды,
 а птицы в листе —
 мои сны и мечты.
 И если паду я,
 подрубленный смертью, —
 обрушится небо.

Перевод М. Самеева

Yo no soy yo.

Soy este

que va a mi lado sin yo verlo;

que, a veces, voy a ver,

y que, a veces, olvido.

El que calla, sereno, cuando hablo,

el que perdona, dulce, cuando odio,

el que pasea por donde no estoy,

el que quedará en pie cuando yo muera.

Я не я.

Это кто-то иной,

с кем иду и кого я не вижу

и порой почти различаю,

а порой совсем забываю.

Кто смолкает, когда суесловлю,

кто прощает, когда ненавижу,

кто ступает, когда отступаюсь,

и кто устоит, когда я упаду.

Перевод А. Гелескула

Soy como un niño distraído
que arrastran de la mano
por la fiesta del mundo.
Los ojos se me cuelgan, tristes,
de las cosas...
¡Y que dolor cuando me tiran de ellos!

Я как бедный ребенок,
которого за руку водят
ко ярмарке мира.
Глаза разбежались
и столько мне, грустные, дарят...
И горше всего, что уводят ни с чем!

Перевод А. Гелескула

¡Oh, si; romper la copa
de la naturaleza con mi frente;
ganar más luz al pensamiento;
definirlo en los límites
de lo que sacia!..

Y que me sea
el infinito que se quede fuera, como
esta calle, que el domingo
deja sola, callada y aburrida,
delante de mis ojos llameantes
a mi alma.

О да! С усилием густую крону
природы лбом раздвинуть пред собой.
И, дав своим раздумьям больше света,
навек заключить их в круг иной,
расширенный!..

Чтоб бесконечность эта,
оставшаяся вне, была такой,
как улица пустая в день воскресный:
безмолвной, неживой, неинтересной
и духу озаренному —
чужой.

Перевод Н. Ванханен

Está tau puro ya mi corazón,
que lo mismo es que muera
o que cante.

Puede llenar el libro de la vida,
o el libro de la muerte,
los dos en blanco para el,
que piensa y sueña.

Igual eternidad hallara en ambos.

Corazón, da lo mismo: muere o canta.

Давно уже созрело мое сердце,
и для него — что петь,
что умирать.

Как чистая страница
для дум и сновидений,
раскрыта книга жизни,
раскрыта книга смерти.

И в той, и в этой — вечность, мое сердце.

Одна и та же. Пой и умирай.

Перевод А. Гелескула

Piedra y cielo
Poesía
Belleza

Камень и небо
(1917-1918)
Поэзия
(1917-1923)
Красота
(1917-1923)

111. MADRUGADA

(Las cinco)

El niño se queja...
¡Albor del llanto,
que abraza al mundo!

Un gallo canta.

El niño se queja...
¡Tierna boquita
del universo!

El alba, fría.

111. РАССВЕТ

(Пять часов)

Младенец заплакал...
Мироздания вершины
на рассвете плача!

И крик петушиный.

Младенец заплакал...
Всего мироздания
детские губы!

И холод ранний.

Перевод Н. Горской

Todo el día
 tengo mi corazón dado a lo otro:
 de madre en rosa,
 de mar en amor,
 de gloria en pena...

Anocheciendo

— *¡Habrá que, ir ya por ese niño!* —,
 aún él no se ha venido, ¡malo!,
 del todo a mí — *¡Duérmete ya, hijo mío!* —
 Y me duermo esperándolo sonriente,
 casi sin él.

Por la mañana

— *¡No te levantes, hijo, todavía!* —,
 ¡que grito de alegría, corazón
 mío, un momento, antes de irte, en mí!

На целый день
 я отдаю мое сердце:
 матери — розой,
 морю — любовью,
 славе — печалью...

Ночь на дворе,
 а сердце мое, непослушный ребенок,
 еще не вернулось.
 — Спи, сынок, — шепчет мама.
 Я улыбаюсь и уже засыпаю,
 а его еще нет.

А утром:

— Сынок, полежал бы еще... —
 Каким криком радости ты, мое сердце, во мне
 теснишься за миг до того, как уйти!

Перевод М. Самаева

113. LA MUERTE

Estabas viendo
- contra el sol del domingo —
estampas de colores en una caja vana,
ron tus negros ojazos estasiados.

Luego, tus ojos se cerraron tristemente...

¡Y ahora eres tú misma la caja;
ahora tienes en tu alma las estampas de culóres;
y tus ojazos negros, estasiados,
las miran hacia dentro, para siempre!

113. СМЕРТЬ

Завороженно
на воскресном солнце —
глядели в пустоту калейдоскопа
твои большие черные глаза.

И вот они, печальные, закрылись...

И ты теперь — пустой калейдоскоп,
душа твоя полна цветных упоров,
и, глядя вглубь, ты с них уже не сводишь
зрачков, замороженных навсегда!

Перевод А. Гелескула

114. MARES

Siento que el barco mío
ha tropezado, alla en el fondo,
con algo grande.

¡Y nada
sucede! Nada... Quietud... Olas...

— ¿Nada sucede; o es que ha sucedido todo,
y estamos ya, tranquilos, en lo nuevo? —

114. МОРЯ

Я чувствую, что в темной глубине
мой парусник на что-то натолкнулся
огромное...

И только. Ничего
не происходит! Волны... Тишина...

— А если все уже произошло
и, безмятежных, нас переменило?

Перевод А. Гелескула

115. NOCHE

¡Griito en el maar!

¿Qué corazón hecho honda — ¡hondero triste! —
te ha gritado? ¿De dónde, grito, dónde,
con qué alas llegarás a tu final?

...Cada ola te coje, y tú, lo mismo
que undelfínhechoespada,fuerzasólo,gritas:mas,
más, más, más, más...
o, hecha tu ala vela, lo mismo que una golondrina,
vas más allá, vas más allá, vas más allá...

¡Griiito en el maaar!...

¿Las estrellas te ayudan con sus ecos?

¡Griiiiito en el maaaaaar!

115. НОЧЬ

Крик среди моря!

Чье сердце, ставши волной, — о волны грусти! —
в море кричало? Голос, откуда голос?
Какие крылья тебя занесли в пучину?

...Каждый вал тебя увлекает, и — вал рассекая грудью,
острей, чем плавник дельфина, — ты снова исходишь
хрипом, хрипом, хрипом... криком:
О, крыльев парус бессильный! На крыльях ласточки
все дальше, все глубже, глубже, глубже... хрупкой

Криик среди моооря!..

Разве поможет звездное эхо?

Криииик среди моооооря!..

Перевод Н. Горской

Mariposa de luz,
la belleza se va cuando yo llego
a su rosa.

Gorro, ciego, tras ella...
La medio cojo aquí y allá...

¡Solo queda en mi mano
la forma de su huida!

Светозарная бабочка,
но красота исчезает, едва прикасаюсь
к розе.

Слепец, я бегу за ней...
Пытаюсь поймать...

И в моей руке остается
очертанье исчезновенья.

Перевод В. Андреева

117. NOCTURNO

Mi lagrima y la estrella
se tocaron, y al punto
se hicieron una sola lagrima,
se hicieron una estrella sola.

Me quede ciego, se quedo
ciego, de amor, el cielo.
Fue todo — y nada mas — el inundo
pena de estrella, luz de lagrima.

117. НОКТИУРН

Моя слеза и звезда
друг с другом слились, и в мире
стало больше одной слезой,
стало больше одной звездой.

Я ослеп, и ослепло
от любви небо,
переполненное до края
жалобой звезд, блеском слез.

Перевод В. Михайлова

118. ACTUALIDAD

¡El corazón inmenso
dentro del sol de cada día
— el árbol incendiado de los aires —,
fruto total del cielo azul!

¡Hagamos grande solo la verdad presente!

118. НАСТОЯЩЕЕ

Необъятное сердце
в ежедневном сиянии солнца
— дерево, шелестящее пламенем листьев,
апельсин синевы небесной!

Да станет истина дня — великой!

Перевод В. Андреева

¿Era su voz la fuga del arroyo,
que se oía correr en el poniente rápido;
o la luz del ocaso moribundo,
que corría en el agua que se iba?

Был ее голос отзвуком ручья,
затерянного в отсветах заката,
или последним отсветом закатным
на той воде, которая ушла?

Перевод А. Гелескула

120. AMOR

Mi corazón estaba
como un nubarrón cárdeno,
de un poniente de fuego;
¡retorcido, morado de dolor,
trasparente de luz, de fuego, de oro!

120. ЛЮБОВЬ

Мое сердце —
словно свинцовая туча,
сожженная пламенем заката;
сжавшееся, потемневшее от боли,
пронзенное — светом, пламенем, золотом!

Перевод В. Андреева

121. TARDE

¡Cómo, meciéndose en las copas de oro,
al manso viento, mi alma
me dice, libre, que soy todo!

121. ВЕЧЕР

Блуждая средь равнин
в закатном золоте, мне говорит душа,
что с миром я — един!

Перевод В. Андреева

122. DESVELO

Se va la noche, negro toro
— plena carne de luto, de espanto y de misterio —;
que ha bramado terrible, inmensamente,
al temor sudoroso de todos los caídos;
y el día viene, niño fresco,
pidiendo confianza, amor y risa,
— niño que, allá muy lejos,
en los arcanos donde
se encuentran los comienzos con los fines,
ha jugado un momento,
por no se que pradera
de luz y sombra,
con el toro que huía —.

122. БЕССОННИЦА

Ночь проходит, как черный бык, —
глыба мрака и страха с траурной шкурой, —
оглашая округу ревом, подобным буре,
сражая измученных и усталых;
и приходит день — белокурый,
жаждущий ласки ребенок малый,
который за далью где-то,
в обители тайны,
Где встречаются все концы и начала,
поиграл мимоходом
на лугах заповедных,
полных тени и света,
с уходящим быком.

Перевод Н. Горской

123. AURORAS DE MOGUER

¡Los alamos de plata
saliendo de la bruma!
¡El viento solitario
por la marisma oscura,
moviendo — terremoto
irreal — la difusa
Huelva lejana y rosa!
¡Sobre el mar, por La Rábida,
en la gris perla húmeda
del cielo, aun con la noche
fría tras su alba cruda
— ¡horizonte de pinos! —
fría tras su alba blanca,
la deslumbrada luna!

123. МОГЕРСКИЕ РАССВЕТЫ

Тополя-изваянья
серебрятся в тумане!
А неприкаянный ветер,
скользя над темным заливом,
колышет в размытой дали
землетрясением сонливым
розовую Уэльву!
В сыром жемчужном просторе
над Ла-Рáбидой смутной,
где ночь покидает море, —
в рассветной остуде хмурой,
за соснами над лагуной,
в рассветной остуде белой —
сияющий образ лунный!

Перевод П. Грушко

¡Poesía; rocío
 de cada aurora, hijo
 de cada noche; fresca, pura
 verdad de las estrellas últimas,
 sobre la verdad tierna
 de las primeras flores!

¡Rocío, poesía;
 caída matinal del cielo al mundo!

Поэзия! россыпь росы,
 рожденная на рассвете!
 прохлада и чистота
 последних на небосводе
 звезд — над свежью правдой
 утренних первых цветов!

Поэзия! зерна росы!
 посеянное на земле небо!

Перевод Г. Кружкова

¡Voz mía, canta, cauta;
que mientras haya algo
que no hayas dicho tu,
tu nada has dicho!

Пой, голос мой, пой!
Ведь если о чем-то
ты умолчал,
ты ничего не сказал!

Перевод Г. Кружкова

126. EL DESVELADO

¡Mis ojos abiertos!
¡Llevadme a la mar,
a ver si me duermo!

Mientras estén lejos,
no se han de cerrar
mis ojos abiertos.

Lloraran recuerdos,
hasta hacer un mar
de llanto y deseo.

Un mar sin consuelo,
que me ha de llevar
al desvelo eterno.

No imitan los besos,
ni el dulce cantar,
la ola y el viento.

¡La ola y el viento!
¡Llevadme a la mar,
a ver si me duermo!

126. БЕССОННЫЙ

Глазам, что бессонны,
быть может, я сон верну
у морей отдаленных.

Вдали от морей соленых
я не сомкну
моих глаз бессонных.

Плачи и стоны
слились в волну
желаний неутоленных.

Печалью бездонной
наполнили глубину
бессонницы перезвоны.

Не навевает влюбленным
любви новизну
ветер неугомонный.

Ветер неугомонный!
Позволь отойти ко сну
у дальних морей соленых!

Перевод Н. Горской

Me asome a tu dormir,
 a ver si te veía, agua descansada,
 el tesoro inefable de tu fondo.

¡Ya iba a verlo, iba a verlo,
 allá, entre las estrellas reflejadas del cielo alto y
 trasparente!

... Pero, me ahogue en tu sueño.

К тебе я в сон закрался,
 чтобы найти, притихшая вода,
 твоих глубин невиданные клады.

И я почти нашел, почти нашел —
 там, в отраженьи звездном
 небес, таких высоких и прозрачных, —
 нашел... Но захлебнулся твоим сном!

Перевод А. Гелескула

¿Qué le pasa a una música,
cuando deja de sonar; qué
a una brisa que deja
de revolar, y qué
a una luz que se apaga?

Muerte, di, ¿y que eres tu sino silencio,
calma y sombra?

Что с музыкой,
когда молчит струна,
с лучом,
когда не светится маяк?

Признайся, смерть, — и ты лишь тишина
и мрак?

Перевод А. Гелескула

129. EL SOLO AMIGO

No me alcanzaras, amigo.
Llegarás ansioso, loco;
pero yo me habré ya ido.

(¡Y qué espantoso vacío
todo lo que hayas dejado
detrás, por venir conmigo!

¡Y que lamentable abismo
todo lo que yo haya puesto
en medio, sin culpa, amigo!

No podrás quedarte, amigo.
Yo quizás volveré al mundo.
Pero tú ya te habrás ido...

129. ОДИНОКИЙ ДРУГ

Ты меня не догонишь, друг.
Как безумец, в слезах примчишься,
а меня — ни здесь, ни вокруг.

Ужасающие хребты
позади себя я воздвигну,
чтоб меня не настигнул ты!

Постараюсь я все пути
позади себя уничтожить, —
ты меня, дружище, прости!..

Ты не сможешь остаться, друг...
Я, возможно, вернусь обратно,
а тебя — ни здесь, ни вокруг.

Перевод П. Грушко

130. EL PAJARITO VERDE

En el río me voy,
adonde quiera el agua,
entre las dos orillas.

Desde las dos orillas,
¡cómo me miro yo bajando por el agua,
quieto en todo lo bello
que paso — lo que fue!... —
¡Adiós, adiós! ¡Qué grato el irse,
cuando se queda «no en todo!»

130. ЗЕЛЕНАЯ ПТАХА

Я в реку войду,
пойду за водою следом
меж двух берегов зеленых.

Взгляну с берегов зеленых,
как все дальше бегу за водою следом,
как сливаюсь я на бегу
с красотой, остающейся на берегу!
Прощайте! Мне уходить не страшно,
оставляя себя в прекрасном!

Перевод Н. Горской

131. PATRIA

¿De dónde es una hoja
trasparente de sol?
— ¿De dónde es una frente
que piensa, un corazón que ansía? —
¿De dónde es un raudal
que canta?

131. РОДИНА

Откуда — лепесток
прозрачный солнца?
Откуда
лоб мыслящий, томящееся сердце?
Откуда — хлынувший неудержимо
поток поющий?

Перевод Г. Кружкова

Arraigado;
 pero que no se vea
 tu raíz.
 ¡Solo, en el día nuevo,
 lo verde, el pajar, la flor!

Укоренился прочно;
 где же они,
 твои корни?
 В том дне, который наступит,
 в завтрашних птицах и травах!

Перевод Г. Кружкова

¡Nube blanca,
ala rota — ¿de quién —
que no pudo llegar — ¿a dónde? —

Белое облако вдали,
ты мертвое крыло — но чье?
не долетевшее — куда?

Перевод А. Гелескула

134. SUR

¡Nostalgia aguda, infinita,
terrible, de lo que tengo!

134. ЮГ

Бескрайняя, жгучая, злая
тоска по всему, что есть.

Перевод А. Гелескула

135. EL PAJARITO VERDE

He venido.
Pero allí se quedó mi llanto,
a la orilla del mar,
llorando.

He venido.
Pero no os serviré de nada,
porque allí se quedo
mi alma.

He venido.
Pero no me llaméis hermano,
que mi alma está allí,
llorando.

135. ЗЕЛЕНАЯ ПТАХА

Я — здесь.
Но осталось мое рыданье
у рыдающих горько морей
на побережье дальнем.

Я — здесь.
Но бесплодно это свиданье —
у моря осталась душа
рыдающей данью.

Я — здесь.
Но вам я другом не стану,
потому что плачет душа
на побережье дальнем.

Перевод Н. Горской

136. MAÑANA EN EL JARDIN

¡El niño dormido!

Mientras, cantan los pájaros,
y las ramas se mecen,
y el sol grande sonríe.

¡En la sombra dorada
— ¿un siglo o un instante?
el niño dormido
— fuera aun de la idea
de lo breve o lo eterno! —

Mientras, cantan los pájaros,
y las ramas se mecen,
y el sol grande sonríe.

136. УТРО В САДУ

Спит ребенок в колыске...

Заливаются птицы.
На дрожащие краски
солнце в листьях дробится.

Сколько тянется утро
без конца и без края:
вечность или минуту?
О мгновенном и вечном
и не подозревая,
спит ребенок в колыске.

Заливаются птицы...
На дрожащие краски
солнце в листьях дробится.

Перевод С. Гончаренко

137. EPITAFIO IDEAL

¡Abril!, ¿solo, desnudo,
caballo blanco mío de mi dicha?

— Llego rompiendo, llenos de rocío,
los rosales; metiéndose, despedregando
los pesados torrentes; levantando,
ciclón de luz, los pájaros alegres. —

Tu jadeo, tu espuma, tu sudor,
me parece que vienen de otra vida...
¡Ven aquí, ven aquí, caballo mío;
abril, abril que vuelves,
caballo blanco
de mi amor perdido!

— Mis ojos le acarician, apretándole,
la frente blanca cual la luna,
con su diamante negro de carbón. —

Abril, abril, ¿y tu jinete bello?
¡Mi pobre amor, mi pobre amor, abril!

137. ИДЕАЛЬНАЯ ЭПИТАФИЯ

Апрель! Одинокий и голый,
белый мой конь, мой скакун счастливый...

Взметнулся, подобно взрыву, и росы
пролил на розы; и камни ворочал
в руслах потоков и напрозорчил
потопы света и птичьи взлеты.

Твой пот, твоё задыханье и пена
не по-земному прекрасны...
Скачи же, скачи, о мой конь атласный!
Апрель, апрель, ты вернулся —
белый скакун
растроченной страсти!

Взглядом тебя ласкаю, не отрываю
глаз от белой лунности лба,
где сверкает угольно-черный алмаз.

Апрель, апрель... Где же твой всадник светлый?
Погибла любовь, погибла, апрель!..

Перевод Н. Горской

¿Te cojí? Yo no sé
si te cojí, pluma suavísima,
o si cojí tu sombra.

Поймал ли тебя? Не знаю,
тебя ли поймал, пушинка,
или держу твою тень.

Перевод А. Гелескула

139. MAR IDEAL

El faro,
como la voz de un niño, que quisiera
ser Dios, casi se ve, desde nosotros.

— ¡Que lejos! —

No parece
que esta encendido para el mar funesto,
sino para el fatídico infinito.

139. ИДЕАЛЬНОЕ МОРЕ

Свет маяка —
словно вздох ребенка, который
почти что Бог — до нас едва долетает.

...Какие просторы!..

И мнится мне,
что зажжен маяк не для морей зловещих,
а для вечности вещей.

Перевод Н. Горской

140. LA MÚSICA

De pronto, surtidor
de un pecho que se parte,
el chorro apasionado rompe
la sombra — como una mujer
que abriera los balcones sollozando,
desnuda, a las estrellas, con afán
de un morir sin causa,
que fuera loca vida inmensa. —

Y ya no vuelve nunca mas.
— mujer o agua —,
aunque queda en nosotros, estallando,
real e inexistente,
sin poderse parar.

140. МУЗЫКА

Внезапно, как взрыв
пронзенной болью души,
страсти струя раздробила
тьень — так настезь открыв
балкон, женщина, в ливне слез,
в наготe, простирает до звезд
порыв умереть ради смерти самой,
безумие жизни преодолев...

И — все, не вернется вновь никогда, —
как женщина или вода, —
но останется в нас, взрываясь, дробясь
огнем или отблесками огней, —
до скончания дней.

Перевод Н. Горской

141. CANCIÓN
(Álamo blanco)

Arriba canta el pajaró,
y abajo canta el agua.
— Arriba y abajo,
se me abre el alma. —

Mece a la estrella el pajaró,
a la flor mece el agua.
— Arriba y abajo,
me tiembla el alma. —

141. ПЕСНЯ
(Серебристый тополь)

В выси — птицы пение,
а внизу -- ручья.
Ввысь и вниз -- стремление,
о душа моя.

К звездам — птиц влечение,
а к цветку — ручья.
Ввысь и вниз — смятение,
о душа моя.

Перевод В. Андреева

142. MINERVA

¡Como la noche negra
se hace profunda con mi pensamiento!
— ¡A todo llega
la sombra! —

La sombra, ¡corno
se hace, en cada agujero de lo ignoto,
verdes los ojos como estrellas fijas,
búho de pensamiento mío!

142. МИНЕРВА

Как черная ночь глухая
полнотою мысли моей набухает!
— Все затихает
под сенью тени! —

Как проникает темень
в игольное ушко сокровеннейших откровений,
глядя застывшей зеленью звездного взгляда!..
Темень, сова извечных загадок...

Перевод Н. Горской

143. ALERTA

La tierra duerme. Yo, despierto,
soy su cabeza única.

¡Si ella pudiera,
con todo su tesoro malgastado,
obedecerme! ¡Si, de pronto,
la fuerza de una frente nueva — de mi frente nueva
fuese mayor que la del cuerpo inerme!

— ¡Día sereno
en que el insomnio de la frente nueva
pueda mover el mundo;
hacer que se despierte con la aurora,
dueño de la verdad libro y eterna! —

143. БЕССОННИЦА

Земля уснула. Я один сейчас —
ее бессонный разум...

Когда б она могла,
с несметными богатствами своими,
повиноваться мне! Когда бы вдруг
ум чей-то новоявленный — мой ум —
стал управлять огромным этим телом!

О яркий день,
в котором, воплотясь,
томления ночные могут стать
той силою, что движет миром!
Дай мне проснуться завтра на заре
владельцем правды, вечной и свободной!

Перевод Г. Кружкова

144. NATURALEZA

Todo infinito a que yo aspiro
— belleza, obra, amor, ventura
es, en el acto, yo.

Y sigue igual el infinito.

144. ПРИРОДА

Бесконечность моих устремлений —
красота, созиданье, счастье, любовь
сразу становятся мной.

И в бесконечность уходят без промедленья.

Перевод Н. Горской

Pajarito cojido
por el feo aguilucho de la muerte,
¡como me miras con tu ojito triste
— negro dulzor, roja luz débil —
desde debajo de la garra inmensa;
como me miras..., por si yo pudiese!

Немая птаха,
пойманная смертью,
как смотришь на меня ты жалким оком
— чуть розоватым, тусклым угольком —
из-под совиных лап ее незримых,
как смотришь ты... да если бы я мог!

Перевод А. Гелескула

146. ROSAS

¿Como, si estás ya muerta,
la pena mira así,
viva, en tus ojos todavía negros?

¿Qué es lo que muere, entonces, la alegría?
¿Qué es, entonces, lo eterno, la tristeza?

146. РОЗЫ

Ты мертва,
почему же печаль, как живая,
из очей твоих смотрит, по-прежнему черных?

Неужели на смерть обрекается радость?
И единственно вечное наша печаль?

Перевод А. Гелескула

147. PUERTO

Dormidos, nuestro cuerpo
es el ancla
que nuestra alma deja
en el fondo del mar de nuestra vida.

147. ПРИСТАНЬ

Мы спим, и наше тело —
это якорь,
душой заброшенный
в подводный сумрак жизни.

Перевод А. Гелескула

148. LA OBRA

Día tras día, mi ala
— ¡cavadora, minadora!
¡qué duro azadón de luz! —
me entierra en el papel blanco...

— ¡Ascensión mía, parada
en futuros del ocaso! —

... ¡De él, ascua pura inmortal,
quemando el sol de carbón,
volare refigurado!

148. ТВОРЕНИЕ

Изо дня в день —
как тяжек твой заступ, о свет! —
рыть и себя зарывать
в белые недра бумаги...

И карабкаться до передышки
в послезакатном...

...От белизны бумажного жара,
угольным солнцем сжигаем,
преображенный, взлечу.

Перевод М. Самаева

La estación total

Все времена года
(1923-1936)

149. LAS FLORES BAJO EL RAYO

Las flores se dan la mano
y vuelan como los pájaros.
No se van.
(Mas vuelan como los pájaros.)

Tiran, se alzan allá abajo,
bajo el nubarrón del rayo.
No se van.
(Bajo el nubarrón del rayo.)

Llaman con pena y con blanco,
con amarillo y con llanto.
No se van.
(Con amarillo y con llanto.)

Cada trueno con su dardo
les saca un ¡ay! al relámpago.
No se van.
(Les saca un ¡ay! al relámpago.)

Mordido su olor, es tanto
que sangra el olor mojado.
No se van.
(Que sangra su olor mojado.)

149. ЦВЕТЫ В ГРОЗУ

Как птицы, цветы взлетают,
сбиваясь по-птичьи в стаи...
Цветы остаются...
(По-птичьи сбиваясь в стаи.)

Срываясь во мгле гремучей
под жернов тяжелой тучи,
цветы остаются...
(Под жернов тяжелой тучи.)

И, капая белой болью
и красной сочась любовью,
цветы остаются...
(Но капают белой кровью.)

Пусть молния блеском алым
их жалит, как алым жалом, —
цветы остаются...
(Их молния жалит жалом.)

Пусть гром орудийным залпом
изранит их нежный запах —
цветы остаются...
(Изранен их нежный запах.)

Vuelan, pues huyen los pájaros,
por no secarse de espanto.
No se van.
(Por no secarse de espanto.)

Las flores se dan la mano
y gritan como los pájaros.
No se van.
(Mas gritan como los pájaros.)

А птица грозы боится —
давно улетели птицы.
Цветы остаются...
(Давно улетели птицы.)

Как птицы, цветы взлетели,
по-птичьи рассыпав трели.
Цветы остаются...
(По-птичьи рассыпав трели.)

Перевод С. Гончаренко

150. RENACERÉ YO

Renaceré yo piedra,
y aún te amaré mujer a ti.

Renaceré yo viento,
y aún te amaré mujer a ti.

Renaceré yo ola,
y aún te amaré mujer a ti.

Renaceré yo fuego,
y aún te amaré mujer a ti.

Renaceré yo hombre,
y aún te amaré mujer a ti.

150. ВЕРНУСЬ Я

Вернусь я на землю камнем
и вновь полюблю тебя женщиной.

Вернусь я на землю ветром
и вновь полюблю тебя женщиной.

Вернусь я на землю волною
и вновь полюблю тебя женщиной.

Вернусь я на землю пламенем
и вновь полюблю тебя женщиной.

Вернусь я на землю мужчиной
и вновь полюблю тебя женщиной.

Перевод М. Самаева

151. LA FELICIDAD

¡Mira la amapola
por el verdeazul!

Y la nube buena,
redonda de luz.

¡Mira el chopo alegre
en el verdeazul!

Y el mirlo feliz
con toda la luz.

¡Mira el alma nueva
entre el verdeazul!

151. СЧАСТЬЕ

Рдеющий мак глядится
в зелень и синеву.

С тучкой, кубышкой света,
по небесам плыву.

Тополь весело смотрит
в зелень и синеву.

Дрозд в ликование свое
вобрал весь свет и листву.

Новая смотрит душа
в зелень и синеву.

Перевод М. Самаева

152. LA ESTRELLA VENIDA

En el naranjo está la estrella.
¡A ver quién puede cojerla!

¡Pronto, venid con las perlas,
traed las redes de seda!

En el tejado está la estrella.
¡A ver quién puede cojerla!

¡Oh, que olor a primavera
su pomo de luz eterna!

En los ojos esta la estrella.
¡A ver quién puede cojerla!

¡Por el aire, por la yerba,
cuidado, que no se pierda!

¡En el amor está la estrella!
¡A ver quién puede cojerla!

152. ПРИШЕДШАЯ ЗВЕЗДА

В апельсине звезда мерцает.
Кто эту звезду достанет?!

Приманите ее алмазом,
накройте сетью атласной!

На черепице звезда мерцает.
Кто эту звезду достанет?

О, как дохнула маем
вечного света мальва!

Сквозь ресницы звезда мерцает.
Кто эту звезду достанет?

Из травы, из тумана манит...
Осторожно — не то обманет!

Над любовью звезда мерцает!
Кто эту звезду достанет?..

Перевод Н. Горской

153. VIENTO DE AMOR

Por la cima del árbol ire
y le buscare.

Por la cima del árbol he de ir,
por la cima del árbol has de venir,
por la cima del árbol verde
donde nada y todo se pierde.

Por la cima del árbol iré
y te encontraré.

En la cima del árbol se va
a la ventura que aun no está,
eu la cima del árbol se viene
de la dicha que ya se tiene.

Por la cima del árbol iré
y te cojeré.

El viento la cambia de color
como el afán cambia el amor,
y a la luz de viento y afán
hojas y amor vienen y van.

Por la cima del árbol iré
y te perderé.

153. ВЕТЕР ЛЮБВИ

По верхней ветке иду вершиной
к тебе единой.

Поверх деревьев я в вышине,
по верхней ветке иди ко мне,
по самой верхней, зеленой ветке,
где все невенчно и все навеки.

Поверх деревьев дорогу мечу
тебе навстречу.

Поверх деревьев, минуя сад,
находят счастье лишь наугад,
на верхней ветке, на самой верхней,
где чем надежнее, тем неверней.

Поверх деревьев, поверив чуду,
тебя добуду.

Меняет ветер в листе тона —
так и с любовью, когда трудна.
Любовь и листья в ответ порывам
перемежают прилив с отливом.

Поверх деревьев тебя оплачу,
когда утрачу.

Перевод А. Гелескула

154. LA PERDIDA

Perdida en la noche inmensa.
¿Quién la encontrara?
El que muere, cada noche
mas lejos se va.

Lejos, a la no esperanza.
Para quien se fue,
aunque el que se queda implore,
no vale la fe.

Y morirnos tras la muerte,
no nos quita cruz,
que cada muerto camina
por destinta luz.

154. УТРАТА

Бесконечна ночь утраты,
и темна стезя.
Умирающий уходит —
и вернуть нельзя.

Он все дальше от надежды
на пути своем.
Но несбыточной надежда
умереть вдвоем.

И не легче пригвожденным
к одному кресту.
Все равно уходит каждый
на свою звезду.

Перевод А. Гелескула

155. MI TRISTE ANSIA

Lo que corre por la tierra es humo,
no agua.
Y su azul se desvanece como
mi ansia.

Lo que vuela por el aire es bruma,
no ala.
Y su pluma se deshace como
mi ansia.

Lo que sube por la sombra es sueño,
no alma.
Y su gris se descompone como
mi ansia.

155. МОЯ БЕДНАЯ ТОСКА

То, что стелется, — туман,
а не река.
И волна его растает,
как тоска.

То, что реет, -- это дым,
а не крыло.
Он редет — и становится
светло.

То, что мучит, -- не душа,
а только сон.
И все темное развеется,
как он.

Перевод А. Гелескула

156. VALLE TRANQUILO

Muerto que duerme
su honda verdad,
brota la rosa
gris de la paz.

Sangre en su cáliz:
fe en luz final
que alumbra el aire,
que alisa el mar.

Y el vivo aspira en
su soledad
la onda mas quieta
de lo inmortal.

156. ТИХАЯ ДОЛИНА

Над темной правдой
могильного сна,
как серая роза,
растет тишина.

Для крови — обитель,
для веры — исход;
вошла она светом
в молчание вод.

И вечно живое
притихло в волне
с людским одиночеством
наедине.

Перевод А. Гелескула

157. ES MI ALMA

No sois vosotras, ricas aguas
de oro las que corréis
por el helécho, es mi alma.

No sois vosotras, frescas alas
Ubres, las que os abríis
al iris verde, es mi alma.

No sois vosotras, dulces ramas
rojas, las que os mecéis
al viento lento, es mi alma.

No sois vosotras, claras, altas
voces las que os pasáis
del sol que cae, es mi alma.

157. ЭТО МОЯ ДУША

Это не ты среди камыша
журчишь, вода золотая
речная, — это моя душа.

Это не птица, спеша
к радуге зеленокрылой, крылья
раскрыла, — это моя душа.

Это не ты, сладко дыша,
стала под ветром розовоцветной,
ветка, — это моя душа.

Это не ты течешь из ковша
заката, несенный ливень
неодолимый, — это моя душа.

Перевод Н. Горской

158. HUIR AZUL

El cielo corre entre lo verde.
¡Huir azul, el agua azul!
¡Hunde tu vida en este cielo
alto y terrestre, plenitud!

Cielo en la tierra, esto era todo.
¡Ser en su gloria, sin subir!
¡Aguí lo azul, y entre lo verde!
¡No faltar, no salir de aguí!

Alma y cuerpo entre cielo y agua.
¡Todo vivo de entera luz!
¡Este es el fin y fue el principio!
¡El agua azul, huir azul!

158. СИНЕЕ БЕГСТВО

Стелется небо в синем беге,
сходит на землю наяву.
Жизнь, окупись и кань навеки
в эту земную синеву!

Над погруженным небосклоном
так и стоять бы, как стою.
Высь на земле, лазурь в зеленом!
Только движенье — и в раю!

Душа и тело за причалом
и жизнь — как отсвет синих вод.
Это конец, а было началом.
Синее русло! Синий исход!

Перевод А. Гелескула

159. REDONDEZ

Acariciar el hombro,
acariciar la ola,
acariciar la nube,
acariciar la roca.

La mano con la luz
sobre el alma con forma.
Melodía del tacto,
eternidad redonda.

159. ПОЛНОТА

Коснуться плеча,
коснуться волны,
коснуться луча,
коснуться стены.

Поверхность души
под ласкою рук.
Касание струн
и вечность вокруг.

Перевод А. Гелескула

160. RÁFAGA

En lo negro te cojo,
pasajera de oro.

¿De que formas tu seno
en el molde del cielo?

¿Saliste de la rosa,
esencia de la sombra?

¿Bajaste de la estrella,
temblor de la belleza?

¿Qué más que cuerpo y alma
de mujer eres, ráfaga?

¿Que tercer sueño es ese
que te imanta tres veces?

¡Párate ante mis ojos!
¡No te lleves... lo otro!

160. МОЛНИЯ

Вижу я в черных грозах
твою золотую россыпь.

Из какого металла
небо тебя ковало?

Ты пролилась из розы,
эссенция тучи грозной?

Ты со звезды упала,
дрожь красоты небывалой?

Молния — блеск мгновенный
женственности нетленной...

Девятым магнитным валом
тридевять ты просверкала!

И, в дрожь меня бросив,
застыла холодной бронзой...

Перевод Н. Горской

En el otro costado
Una colina meridiana
Ríos que se van

На другом берегу
(1936-1942)

Полуденный холм
(1942-1950)

Реки, что уходят
(1951-1953)

161. REQUIEM

Cuando todos los siglos vuelven,
anocheciendo, a su belleza,
sube al ámbito universal
la unidad honda de la tierra.

Entonces nuestra vida alcanza
la alta razón de su existencia:
todos somos reyes iguales
en la tierra, reina completa.

Le vemos la sien infinita,
le escuchamos la voz inmensa,
nos sentimos acumulados
por sus dos manos verdaderas.

Su mar total es nuestra sangre,
nuestra carne es toda su piedra,
respiramos su aire uno,
su fuego único nos incendia.

Ella está con nosotros todos,
y todos estamos con ella;
ella es bastante para darnos
a todos la sustancia eterna.

161. РЕКВИЕМ

Когда — в ночи — века являют
всей красоты своей сиянье,
земли глубинное единство
объемлет своды мироздания.

И наша жизнь постичь разгадку
существования стремится:
мы все — равны, мы все — царями
земли. Она одна — царица.

Ее бескрайний слышим голос,
огромный лоб ее над нами,
и собраны мы воедино
ее могучими руками.

И плоть людская — твердь земная,
и кровь людская — океан,
всех нас ее огонь сжигает,
всем нам единый воздух дан.

Она — навеки — вместе с нами,
и мы навеки — вместе с ней;
за кратость жизни позволяет
узнать о вечности своей.

Y tocamos el cénit último
con la luz de nuestras cabezas
y nos detenemos seguros
de estar en lo que no se deja.

И нас высоким озареньем
земная одаряет твердь.
И нам надеждой: остаемся
в ней, что не знает слова «смерть».

Перевод В. Андреева

162. PAIS SUBITO

¡Quién se pudiera engañar
con oro y con sombra!

(¿En aquel llano de luz
se puede vivir?)

¡Que raros países juegan
el sol y la roca!

(¿En aquel codo sombrío
se quiere morir?)

162. ВНЕЗАПНАЯ СТРАНА

Что за яркий обман —
золотом и темнотою!

(В этой плоскости света
можно ли существовать?)

Что за игры азартные
у солнца со скалою!

(В той излучине мглы —
умирать?)

Перевод Г. Кружкова

163. LOS PÁJAROS DE YO SÉ DONDE

Toda la noche,
los pájaros han estado
cantándome sus colores.

(No los colores
de sus alas matutinas
con el fresco de los soles.

No los colores
de sus pechos vespertinos
al rescoldo de los soles.

No los colores
de sus picos cotidianos
que se apagan por la noche,
como se apagan
los colores conocidos
de las hojas y las flores.)

Otros colores,
el paraíso primero
que perdió del todo el hombre,
el paraíso
que las flores y los pájaros
inmensamente conocen.

163. Я ЗНАЮ, ОТКУДА ПТИЦЫ...

Все вечера
и с вечера до утра
пели птицы о птичьих красках.

(Не о раскраске
утренних крыльев ясных
в брызгах солнечного серебра.

Не о раскраске
вечерних грудок атласных
в искрах солнечного костра.

Не о раскраске
полдневных клювов алмазных,
которые вместе с цветами гаснут,
лишь придет ночная пора,
и — как мишура —
не зажигаются до утра.)

Воспевали иные краски —
рай перевозанный,
который люди ищут напрасно,
тот рай,
что знают прекрасно
птицы, цветы и ветра.

Flores y pájaros
que van y vienen oliendo,
volando por todo el orbe.

Otros colores,
el paraíso sin cambio
que el hombre en sueños recorre.

Toda la noche,
los pájaros han estado
cantándome los colores.

Otros colores
que tienen en su otro mundo
y que sacan por la noche.

Unos colores
que he visto bien despierto
y que están yo se bien donde.

Yo se de donde
los pájaros han venido
a cantarme por la noche.

Yo se de donde
pasando vientos y olas,
a cantarme mis colores.

Птицы, цветы и ветра —
благоухающие соцветья,
радужные веера...

Иные краски —
краски немеркнувшей сказки,
сновидений цветная игра.

Все вечера
и с вечера до утра
пели птицы о птичьих красках.

Иные краски —
ночные тайны птичьего царства,
цветные тайны радужного пера.

Неземные краски —
наяву я увидел чудо —
никому не известные колера.

Я знаю, откуда
птицы приносят сказку
и о чем поют до утра.

Я знаю, из этой сказки
мои певучие краски
мне принесут ветра.

Перевод Н. Горской

164. NAVEGANTE

El mar otra vez, el mar
conmigo.

(¿La estrella echa
en el tumulto morado
vislumbres de plata eterna?)

Me impongo a la oscuridad
libre (no quiero la estrella.)
Cara a lo negro infinito,
lo negro inmenso me orienta.

La sombra me evita el sitio
y me pone el agua interna,
las costas oscuras son
costas de honda presencia.

Yo soy mas grande que el mar,
da en la nada mi cabeza,
solo yo vivo en el luto
de la soledad sin mengua.

Mundo total, negro puro,
en el agua que es la tierra,
tierra una y agua una
para quien viva. O quien muera.

164. МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

И снова — море, лишь море
со мною.

(Там не звезда ли
блестит серебром неверным
из дымно-лиловой дали?)

А мне темнота сродни
(души не прельстить звездою),
лицом к необъятной мгле
придвинут я вечной мглою.

Там, в волнах, — воля моя,
в пустыне морской — надежда,
таинственно населены
темнеющие побережья.

Я — больше моря, но ум
ничтожество мне пророчит,
и в мире я одинок
темнейшим из одиночеств.

Лишь мгла, единая мгла
довлеет хляби и тверди,
земля одна и вода одна
для жизни. Или для смерти.

Перевод Г. Кружкова

165. PERO LO SOLO

La palma acaricia al pino
con este aire de agua;
en aguel, el pino, el pino
acariciaba a la palma.

Y la noche azul y verde
es noche verde y morada,
la luna casi me enseña
en su espejo la esperanza.

Pero lo solo está aquí,
pero la fe no se cambia,
pero lo que estaba fuera,
ahora esta solo en el alma.

165. НЕИЗМЕННО ТОЛЬКО ОДНО

Сосне посылает пальма
трепетный свет,
и трепетно пальме сосна
шлет свой ответ.

Смугло-зеленая ночь
была голубой и зеленой;
«надейся», — мне говорит
лик луны просветленный.

Но вера — всегда одна,
неизменно только одно:
в нашей душе живет
то, что свыше дано.

Перевод В. Андреева

166. ESTE PERRO

¡Este azul de aquel azul,
alma mas bella que el ámbito!
El dios azul nos azula
aquí las cosas de abajo.

Lo alto en el allí de aquí
ha venido hasta la mano;
anda por las calles solas
un dios azul perro manso.

Pero ¿será esto verdad?
Este perro con quien ando,
¿no es alto donde lo vi
como el dios azul mas alto?

166. ЭТА СОБАКА

Голубизна голубых глубин —
в запредельность душа стремится!
Бог лазурный подголубил
все земное своей десницей.

Вышина, сошедшая с вышины,
в ладони мои струится;
собака по улицам тишины
проходит Богом лазурнолицым.

Однако не сон ли приснился мне?
И эта собака, быть может, снится...
Или я видел ее в вышине,
с Богом лазурным желая слиться?..

Перевод Н. Горской

167. CON IRIS

Me dan ansias de tocar
el arpa en las fijas nubes,
música de plata y oro
sobre el sinfín del traslumbre.

Y lo que yo estoy pensando
cantaría en dobles luces,
alto nublado interior
con iris de cuanto sube.

A ti, visión del oriente
anohecido sin cumbres;
a ti lo que alzas en mi
lo que quisiera en tus nubes.

167. С РАДУГОЙ

Манит меня игра
на арфе в недвижных тучах,
музыка золота и серебра
над вечным сияньем жгучим.

В скрещенье этих лучей двойных
я бы думы свои озвучил:
высокую облачность дней моих
с радугой на небесной круче;

тебя, негаснувший окоем, —
виденье ночей летучих,
твое отраженье в сердце моем,
мое устремленье к тучам.

Перевод Н. Горской

168. MAS ALLA QUE YO

Esto ocaso que se apaga,
¿qué es lo que tiene detrás?
¿lo que yo perdí en el cielo,
lo que yo perdí en el mar,
lo que yo perdí en la tierra?

¿Mas allá, más, más allá,
allá que toda la tierra,
todo el cielo y todo el mar?

¿Más allá que lo pasado
y más que lo que vendrá,
más que el principio y el fin
y más que la eternidad?

¿Mas alla que yo, que acabo
todo con mi imaginar,
que estoy antes y después
de todo, más allá, más?

¿Más alla que yo en la nada,
más que yo en mi nada, más
que la nada y más que el todo
ya sin mí, más, más allá?

168. ДАЛЬШЕ, ЧЕМ Я

Последние вспышки заката,
за собой вы что увели? —
все мое, что исчезло в небе,
все мое, что взяла земля,
все мои затонувшие корабли?..

Что за далью, в этой дали —
дальше моря и неба,
дальше предельных пределов земли?

Дальше веков, что во мрак ушли,
дальше грядущих эпох,
дальше смертей и рождений,
распыленных в звездной пыли?

Дальше меня и моих озарений,
дальше снов, что былшем поросли,
дальше предбытия и небытия
моего — дальше моей неземли?

Дальше, чем я и мое ничто,
дальше, чем я в ничто — на мели
всех никуда, никогда и нигде,
дальше дали самой... и — дальше — вдали?

Перевод Н. Горской

169. PINAR DE LA ETERNIDAD

En la luz celeste y tibia
de la madrugada lenta,
por estos pinos iré
a un pino eterno que espera.

No con buque, sino en onda
suave, callada, serena,
que deshaga el leonar
de las olas batalleras.

Me encontraré con el sol,
me encontraré con la estrella,
me encontraré al que se vaya
y me encontraré al que venga.

Seremos los cinco iguales
en paz y en luz blancas, negras:
la desnudez de lo igual
igualará la presencia.

Todo irá siendo lo que es
y todo de igual manera,
porque lo más que es lo más
no cambia su diferencia.

169. СОСНЫ ВЕЧНОСТИ

На запоздалом рассвете
скоро и я в синеву,
за корабельную рошу,
к вечной сосне уплыву.

Нет, не под парусом белым.
Вынесет тело волной,
той молчаливой, что сменит
мертвую зыбь тишиной.

Там, где свидания вечны,
с солнцем сойдется звезда
и не пришедшего встретит
тот, от кого ни следа.

Будет нас пятеро равных
в сетке теней на свету.
Равенства голая сущность
все подведет под черту.

Из бесконечного вычесть
так же нельзя, как причесть.
Раз несущественна разность,
все остается как есть.

En la luz templada y una
llegaré con alma llena,
el pinar rumoreará
firme en la arena primera.

И чтоб душа не смолкала
в их отголоске морском,
вечные сосны сомкнутся
над первозданным песком.

Перевод А. Гелескула

170. CARMIN FIJO

Este carmín no se ha ido,
este carmín arde allí,
este carmín aquí canta,
no se podrá nunca ir.

Contra la noche morada,
el poniente de carmín;
contra la aurora carmínea,
el poniente de carmín;
contra el mediodía azul,
el poniente de carmín.

¡Carmín del poniente, entre
los pinos del existir,
quemándonos lo infinito
en un eterno morir!

En el corazón cansado,
el poniente de carmín;
en el corazón carmíneo,
el poniente de carmín;
en el corazón sereno,
el poniente de carmín.

170. ИЗВЕЧНЫЙ КАРМИН

Этот кармин не иссякнет,
кармин вечерних долин,
карминовая кантата
из глубины глубин.

В лиловой ночи необъятной
горит заката кармин;
рядом с рассветом красным
горит заката кармин;
рядом с лазурным полднем
горит заката кармин.

Заката карминные волны,
стойкой сосны рубин —
беспредельное умиранье
пламени среди руин.

В сердце, тоской объятom,
горит заката кармин;
в сердце карминно-красном
горит заката кармин;
в сердце бесстрастном
горит заката кармин.

El llamear de los cielos
que no se pueden huir,
un arder la eternidad
fin un perene sinfín.

Никогда не погаснет
небесный костер-исполин,
вечности яркая ясность
за пределом земных долин.

Перевод Н. Горской

171. LA NOCHE MEJOR

Como yo lo serené
y como se durmió en gracia,
el ruiseñor lo cantó
la noche y la madrugada.

Las estrellas más azules
bajaron hasta su cama;
aguas de todos colores
de lo lejos se acercaban.

— ¿Oyes el ruiseñor? — Sí
— me dijo con voz lejana,
con voz cercana me dijo — :
— Lo oigo, sí; ¡qué lindo canta!

¿No había de oírlo lindo
sí, partido en cuerpo y alma,
iba y venía de mí,
con él estaba y no estaba?

¿Si, perdido en su verdad,
sí, con su verdad ganada,
sonlloraba y sonreía
su pérdida y su ganancia?

171. ЛУЧШАЯ НОЧЬ

Я успокаивал долго
и убаюкал как мог,
а соловей за стеною
даже к утру не замолк.

И над постелью звенели,
тая, как вешние льды,
самые синие звезды,
все переливы воды.

«Слышишь?» — я спрашивал. «Слышу,
голос, как дальний отлет,
сник и приблизился снова:
— Как хорошо он поет!»

Можно ли было иначе
слышать разбуженный сад,
если душа отлетала,
сильясь вернуться назад,

если с последним усилием
стало светлей и больней
видеть последнюю правду
и потерять себя в ней?

¿No había de oírlo lindo
si, ya cerrada su cara,
lo oía desde su fin,
desde su todo y su nada?

Можно ли было иначе
там, на исходе своем,
слышать уже ниоткуда
слитно со всем бытием?

Перевод Л. Гелескула

172. ARBOLES HOMBRES

Ayer tarde
volvía yo con las nubes
que entraban bajo rosales
(grande ternura redonda)
entre los troncos constantes.

La soledad era eterna
y el silencio inacabable.
Me detuve como un árbol
y oí hablar a los arboles.

El pajarito solo huía
de tan secreto paraje,
solo yo podía estar
entre las rosas finales.

Yo no quería volver
en mí, por miedo de darles
disgusto de árbol distinto
a los árboles iguales.

Los árboles se olvidaron
de mi forma de hombre errante,
y, con mi forma olvidada,
oía hablar a los arboles.

172. ДЕРЕВЬЯ ЛЮДИ

С волнами мглы
пройдя сквозь густой шиповник
(были цветы нежны и круглы),
я прокрался под вечер
туда, где застыли стволы.

Одиночество было извечным,
был бесконечным немой простор.
Я деревом стал меж деревьев
и услышал их разговор.

Улетела последняя птица
из моего тайника,
только я остался в укрытье,
где клубились темные облака.

Я собой не хотел становиться —
я боялся вызвать их гнев,
как дерево чуждой породы
среди народа вольных деревьев.

И они позабыли мой облик —
облик блуждающего ствола,
и, безликий, я долго слушал,
как беседа деревьев текла.

Me retardé hasta la estrella.
En vuelo de luz suave
fuí saliéndome a la orilla,
con la luna ya en el aire.

Cuando yo ya me salía
vi a los arboles mirarme.
Se daban cuenta de todo,
y me apenaba dejarles.

Y yo los oía hablar,
entre el nublado de nácares,
con blando rumor, de mí.
Y ¿como desengañarles?

¿Cómo decirles que no,
que yo era sólo el pasante,
que no me hablaran a mí?
No quería traicionarles.

Y ya muy tarde, ayer tarde,
oí hablarme a los árboles.

Я первой звезды дождался
и вышел на берег реки,
где играли лунные блики,
невесомые, как светляки.

Когда я к реке спускался,
деревья смотрели издалека.
Они обо мне догадались,
и меня забрала тоска.

Они обо мне говорили —
сквозь опаловый зыбкий туман
я слышал их добрый шепот...
Как же им объяснить обман?

Как сказать, что я только путник,
что им совсем не родня?
И не смог я предать деревья,
что поверили вдруг в меня.

Знает полночная тишина,
как я с ними беседовал допоздна.

Перевод Н. Горской

173. EL MAS FIEL

Cantaron los gallos tristes
como señal del destino;
el hombre se puso en pie,
miro sin sueño al abismo.

Pero, ante la luz rojiza
que recorto el roto pino,
uno, que era diferente,
siguió tendido lo mismo.

Hablo el otro que llego,
vino el animal sumiso,
un humo olía a mujer,
abrió la puerta el camino.

El pájaro, el trigo, el agua,
todo se erguía en lo limpio;
pero no se levantaba
uno, el que era distinto.

(¿Donde saludaba al pajaro,
donde oía el arroyillo,
desde donde se miraba,
comootraespiga,tendido?)

173. САМЫЙ ПОДЛИННЫЙ

Как голос самой судьбы,
звучат петухи тоскливо,
и, сои раздвигая, люди
встают, как на край обрыва.

Когда обожгло зарею
разломы в сосновой кроне,
глаза он один не поднял,
далекий и посторонний.

Стихали слова вошедших,
и кротко сопели звери,
по-женски дохнуло дымом,
и даль распахнули двери.

И колос, вода и птица
яснели как на ладони,
но он не взглянул ни разу,
далекий и посторонний.

(Где видел теперь он воду
и птичий полет над нею,
откуда глядел он — навзничь,
как желтый сноп, цепеня?)

Pero no se levantaba
uno, el que era distinto,
pero no se levanto
uno que estaba en su sitio.

(Donde el que tendido esta
está de pie, como un río,
sed una hecha agua una,
solo leal espejismo.)

Pero no se levantaba
uno que ya estaba fijo,
uno, el que estaba ya en el,
~~420~~ el fiel definitivo.

Но так и не подняв веки,
но так и не подав вести,
далекий и посторонний,
теперь на своем он месте.

(Он там начеку, простертый,
стоит, как река на шлюзе,
и жажда водою стала,
правдивейшей из иллюзий.)

Глаза он один не поднял
и, счеы сведя с судьбою,
навекы в себе остался
и стал наконец собою.

~~421~~евод А. Гелескула

174. PREGUNTAS AL RESIDENTE

Primera:

Tu que pasas por las piedras,
¿tienes también raíz dentro?

¿Tu suelo y tu estáis fundidos,
como yo, con otro suelo?

¿Tienes también raíz fuera,
tu que pasas con el viento?

¿El sueño que vas rumiando,
vuelve a ti como a su centro

Segunda:

¿Nube parda que me aplasta,
te aplasta también a ti?

¿Los tizos que apago el sol,
cayeron en tu jardín?

¿El vano de este mas alto,
te es igual que me es a mí?

Tercera:

(a los pinos hombres)

¿Estáis aquí como allí,
decís al hombre lo mismo?

174. ВОПРОСЫ К ЖИВУЩЕМУ

Первый

С корнем внутренним рожден ты,
проходящий по камням?

Со своею почвой сплавлен
так же ты, как я с моею?

Странствующий вместе с ветром,
у тебя наружный корень?

Сон к тебе слетает, точно
к средоточью и опоре?

Второй

И тебе громады-тучи
груз свой на плечи кладут?

Солнце гасит головешки
также и в твоём саду?

Ни во что ты тоже ставишь
всю нездешнюю тщету?

Третий

(соснам-людям)

Вы и здесь и там? Об этом
нам вы, людям, говорите?

¿De igual manera os imanta
vuestra copa el infinito?

¿Vuestro rumor en el viento,
es tranquilo y es tranquilo?

¿No hay mas que un pinar, y es uno,
y es aquel y es este, pinos?

Cuarta:

Contra el cielo sordo y plomo,
¿tu te quedas en tu casa?

¿Esperas a gusto aquí
la muerte de tu mañana?

¿Desde aquí se va también
a la eternidad sin patria?

y *Quinta*

¿Esos cirros de carmín,
que paraísos reponen?

Tu que los ves desde aquí,
¿con que fin te corresponden?

¿Que mares llevan tu pie,
tus ojos, que montes rompen?

¡Trastorno de aires y fe,
424 composición de soles!

Бесконечность ваши корни
одинаково магнитит?

Ваш доносится ветрами
этот тихий шум подзвездный?

Бор — единственный? И всякий —
тот и этот только сосны?

Четвертый

От свинца глухих небес
ты скрываешься в дому?

Ждешь дня завтрашнего, чтобы
отослать его во тьму?

Родины своей не знать
даже в вечности ему?

Пятый

Краешек какого рая
перья облачков в кармине?

С упованием каким
ждешь конца, следя за ними?

Соскользнет ступня — в каком
море взгляд твой захлебнется?

Распадение дыханья
с верой! Гаснущие солнца!

175. NIÑO ULTIMO

Música fiel en escala
de estratos, por el huido
poniente, contra el espacio
del lento infinito liso.

Con ella mi pie se va
ágil y firme, lo mismo
que por le arena seguida
de mi lleno sueño niño.

¿Un pueblo blanco está allí
esperándome encendido,
pueblo donde todo pára,
una plaza con un grito;
con un grito de cristal,
grito agudo detenido,
último grito en extremo
de nube, grito amarillo?

Y el grito tiene en su centro
todo lo que ha visto el niño,
todo lo que quiso ver
y todo lo que no ha visto.

175. ПОСЛЕДНИЙ РЕБЕНОК

Какая музыка в закате,
как полнозвучна и легка —
от необъятности покоя
она уходит в облака!

Я ухожу легко и твердо,
легко и твердо, вместе с ней,
как по волнам песка ступаю
во сне — в своем ребячьем сне.

Селенье белое, в пожаре
заката, ждет вдали меня,
селение, где все застыло
в последнем отблеске огня,
где крик над площадью распластан,
пронзительный застывший крик,
последний крик, который в туче,
и закатном пламени возник.

И в центре, в самом сердце крика,
все, что ребенок увидел,
все, что хотел бы он увидеть,
все, что не видел никогда.

El niño es toda la jente,
el niño soy yo de niño,
el niño soy yo de viejo,
niño encontrado y perdido.

Все человечество — ребенок,
и я: ребенок ли, старик, —
я все ребенок, о найденыш,
потерянный мной — в тот же миг.

Перевод В. Андреева

176. MUDO UNIVERSO QUE ME CERCAS

El mar ha sido mas que el cielo.
¿Ahora el cielo es mas que el mar?
Se dilata, se abre, se acerca.
Y el mar se encoje, baja atrás.

¿No, no es el mar el que nos lleva?
¡En el espacio azul se va!
(¿Se va a nosotros?) Él me ensancha
todo, y yo vibro inmensidad.

(Y el mar se sume negro, sólo
para sí solo y su total;
elemental agua cerrada,
con sus especies nada más.)

¿Qué es lo que das, altor, bajando
al que se abisma en tu mirar,
pero que sabe bien que eres
eterna imposibilidad?

¿Qué es lo que abres en tu mano,
qué es lo que pide tu temblar,
mudo universo que me cercas
en esta bola de arrabal?

176. БЕЗМОЛВНОЕ МИРОЗДАНИЕ, ТЫ, ЧТО МЕНЯ ОКРУЖАЕШЬ

Море было огромнее неба.
Но огромней ли моря небо сейчас?
Море вышло навстречу — всей ширию,
и сужается — сзади нас.

То, что нас уносит, — не море?
Нас к лазури оно вознесет!
(То есть — к нам?) В моем сердце трепещущем
мироздания сердце живет.

(И становится море — черным,
одиночеством волн полно;
снова море — от края до края,
всюду море — и только оно.)

Вись, ты нас в небеса поднимаешь,
низвергаешь в пучину опять, —
бесконечное это круженье
суждено ли кому осознать?

Мирозданье, меня окружившее,
закружившее шар земной, —
что ты нам подаешь на ладони,
что ты просишь своей немотой?

¡Inmensión sorda, todo ciego,
que lates como yo y que das
a los que quieren vida entera,
entero y solito rodar!

Необъятность глухая, слепая,
в моем сердце всегда трепещи
и в круженье своем непрерывном
цельность жизни и цель отыщи!

Перевод В. Андреева

177. EN ESA LUZ

Y en esa luz estás tú;
pero no sé dónde estás,
no sé dónde está la luz.

177

...Знаю, стала ты светом;
но не ведаю, где ты,
и не знаю, где свет.

Перевод А. Гелескула

178. COLORES; IDEAS

Los colores que saca la luz a los cuerpos
me levantan, me escitan, no me dejan morir;
las ideas que saca la sombra a las almas
me perturban, me escitan, no me dejan vivir.

¿Para que esos colores, para que esas ideas
que nos cambian de sombra y de luz?

¿Donde estaban?

No estaban.

¿Su destino es lucir y sombrear el morir?

Mi destino es morir el sombrear y el lucir.

178. ЦВЕТА; ИДЕИ

Цвета, в которые свет одевает тело,
бодрят, будоражат, уводят от небытия;
идеи, в которые тень одевает душу,
гнетут, будоражат, мне не дают житья.

Зачем нам эти цвета, зачем нам идеи эти,
перемешавшие тень и свет?

Они существуют?

Или их нет?..

Их судьба, быть может, — светотени небытия?
Небытие меж светом и тенью — это судьба моя?

Перевод Н. Горской

179. SOLO TU

¡Sólo tú, más que Venus,
puedes ser
estrella mía de la tarde,
estrella mía del amanecer!

179. ТЫ ОДНА...

Пет. не Венера, ты —
одна, навсегда:
мои звезда вечерняя,
моя утренняя звезда.

Перевод Н. Андреева

180. MI GUADIANA ME DICE

Con los tiempos que miraron,
mírate tú en este espejo;
ojos en ondas pasaron...
Guadiana nunca es viejo.

180. ГОВОРИТ МНЕ РЕКА ГВАДИАНА

Вспомни мои зеркала,
где отражалось тогда
все, что река унесла...
Не постарела вода.

Перевод А. Гелескула

181. ESTE INMENSO ATLÁNTICO

La soledad esta sola.
Y sólo el solo la encuentra
que encuentra la sola ola
al mar solo que se adentra.

181. ЭТА БЕЗБРЕЖНАЯ АТЛАНТИКА

Бездна одиночества одна.
И один идешь к ней издалёка
одинок, как одна волна
в одиноком море одинока.

Перевод А. Гелескула

182. EL COLOR DE TU ALMA

Mientras que yo te beso, su rumor
nos da el árbol que mece al sol de oro
que el sol le da al huir, fugaz tesoro
del árbol que es el árbol de mi amor.

No es fulgor, no es ardor, y no es altor
lo que me da de ti lo que te adoro,
con la luz que se va; es el oro, el oro,
es el oro hecho sombra: tu color.

El color de tu alma; pues tus ojos
se van haciendo ella, y a medida
que el sol cambia sus oros por sus rojos
y tú te quedas pálida y fundida.
sale el oro hecho tu de tus dos ojos
que son mi paz, mi fe, mi sol: ¡mi vida!

182. ЦВЕТ ТВОЕЙ ДУШИ

Тебя целую, — солнца яркий свет
сливается с листвою, что им прогрета,
в поток единый; половодье света —
моя любовь, в которой смерти мет.

Но ни зеленый цвет, ни белый свет
не донесут мне от тебя привета;
прощаясь, миру оставляет лето
цвет солнца — темно-золотой: твой цвет.

Он — цвет твоей души; в твоих глазах
огонь струится, золотом мерцая;
день светозарный гаснет, в небесах
цвет золота на красный цвет меняя;
ты угасаешь; но в твоих глазах
мой мир и вера: жизнь моя земная!

Перевод В. Андреева

Приложение

Но у самой воды внезапно
на глаза навернулись слезы:
зачарованный голос песню
пел совсем у другого плеса.

Перевод С. Гончаренко

6

Над слюдою речного плеса,
над стеклом в золотых отливах -
зачарованный берег в белых
тополях и зеленых ивах.

Бьется в русле уснувшем сердце,
льется в сонной излучке лето,
и реке упоенной снится
женский голос и голос флейты.

Зачарованный берег... Ивы
окунулись в затон глубокий
и целуют во сне ветвями
золотое стекло затоки.

И рукою подать до неба,
и течет это небо сонно,
голубым серебром тумана
глядя водную гладь и кроны.

Примечтался сегодня сердцу
этот берег с плакучей ивой,
и решило оно за счастьем
плыть но воле волны сонливой.

Я не вернусь, и ночью,
 молчащей, теплой, спокойной,
 весь мир уснет под лучами
 своей луны одинокой.

Тела моего здесь не будет,
 и пойдет свежий ветер
 в открытые настежь окна,
 чтобы справиться о моей душе.

Не знаю, будут ли ждать меня
 и» долгой двойной отлучки
 и беречь воспоминания
 со слезами и поцелуями.

Но будут цветы и звезды,
 и вздохи, и надежды,
 и поцелуи на улицах
 под тенью ветвей и стен.

И опять прозвучит рояль,
 как этой спокойной ночью,
 но не будет того, кто слушает
 задумчиво у моих окон.

Перевод О. Савича

Ночь и ночная дорога
 это одно и то же.
 IV тайне твоей любви
 иду по черному бездорожью.

К тайне твоей любви
 ветром морей тревожных,
 светом горных вершин,
 ароматной цветочной дрожью.

Перевод Н. Горской

53. ПИРЕНЕИ
(Воскресная ностальгия)

Над испанской границей вечерняя тишь...
Под негаснущим солнцем вершины искрятся —
мироздания врата... Очертанья шиферных крыш
остались но Франции — задником декораций.

С колокольни Сальента к нам долетает звон —
воскресный... Ветер в зеленых скалах резвится.
И пахнет югом. И западный горизонт
багрян. И светло струится пшеница.

Мычанье красных коров, тяжелых от молока,
идиллических пастбищ очарованье.
И речь пастуха сердцу до боли близка...
И над родиной — тень вечернего умиранья...

Блаженство, покой, глухомань. И бредут стада,
и — как звездами высь — полны луга бубенцами.
Глухомань, блаженство, покой. И поет «ода,
и колокольчики вторят звонкими голосами.

Перевод Н. Горский

60. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

По золотой дороге уходят дрозды, уходят... А куда?
По золотой дороге розы уходят, уходят... А куда?
По золотой дороге, по золотой дороге я бреду...
А куда? Осень, ответь. Ответьте, птицы и цветы.

Перевод В. Михайлова

Сначала явилась в белом,
чиста, как сама невинность,
и я влюбился по-детски.

Потом пришла разодетой
в немислимые наряды,
и я ее втайне проклял.

Л там предстала царицей,
кичащейся жемчугами...
О, как я зашелся гневом!

Но сбросила эту роскошь,
и я улыбнулся.

Осталась в одной тунике,
чиста, как была когда-то.
И вновь я в нее поверил.

Потом сорвала тунуку
и встала совсем нагою...
Поэзия, моя мука,
нагая, моя навечно!

Перевод Б. Дубина

Сначала пришла невинной —
под девическим покрывалом,
и я, как дитя, влюбился.

Но платье она сменила —
разоделась, будто для бала,
и я от нее отвернулся.

Явилась потом царицей,
в драгоценностях небывалых,
и в гневе я задохнулся!

...Но она раздеваться стала.
И я улыбнулся.

Осталась в одной тунике,
маня простотой античной.
И вновь я к ней потянулся.

И сняла под конец тунуку
и во всей наготе предстала...
О поэзия, — страсть моей жизни! —
нагая, моя навеки!

Перевод Н. Горской

Бабочка света,
красота ускользает,
едва прикоснусь к ее розе.

И гонюсь я за ней, ослепший...
И то там, то здесь настагаю...

А в руках остаются
одни очертания бегства!

Перевод А. Гелескула

Как ясно, на ветру шумя в деревьях,
мне говорит душа,
что я во всем.

Перевод А. Гелескула

Что в руке у меня? Я не знаю -
ты ли это, легче пушинки,
или — это лишь теш, твоя?

Перевод В. Михайлова

(Серебристый тополь)

В кроне птица поет,
ключ — в корнях камыша.
С песней вод и высот
оживает душа.

Птица звезды качнет,
ключ — побег камыша.
Зыби вод и высот
отзовется душа.

Перевод Б. Дубина

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 23. Стихотворением «На заре» (*Alba*) открывается «Третья поэтическая антология» Хименеса (первая вышла в 1917 году, вторая — в 1922).

С. 43. Эпиграф — из стихотворения Поля Верлена (1844 — 1896) «Сброшенный Амур» (*L'Amour par terre*).

С. 59. Эпиграф взят из стихотворения Артюра Рембо (1854 — 1891) «Песня самой высокой башни» (*Chanson de la plus haute tour*).

Ночь Всех Святых — праздник Всех Святых отмечается 1 ноября.

С. 81. *Святая мать кармелитов* — Дева Мария-дель-Кармель — покровительница моряков Испании (Кармель — гора в северной части Палестины, где со второй половины XII века находилась первая община нищенствующего монашеского ордена кармелитов).

С. 93. Стихотворение создано, вероятно, под впечатлением от знаменитого стихотворения Поля Верлена *Il pleure dans ton coeur*. В пользу этого говорят и сама тематика произведения Хименеса, и количество строк. Эпиграф (ставший у Хименеса рефреном) напоминает эпиграф, предпосланный Верленом своему стихотворению (автором эпиграфа, как указывает Верлен, является Артюрь Рембо, но произведение Рембо, откуда взята эта строка, не найдено до сих пор).

С. 133. *Мачадо Антонио* (1875 — 1939) — испанский поэт, эссеист и драматург. В 1936 году сам Хименес различие между своей поэзией и поэзией Мачадо определил так: «Антонио Мачадо, великий поэт, пропускает мир сквозь себя,

переваривает мир внутри себя. Я же по-другому: я создаю свой мир внутри себя».

В своем творчестве и Хименес, и Мачадо неоднократно обращались к античной мифологии, в частности, к образу Аполлона — покровителя искусства и бога солнца. В данном стихотворении Хименес, описывая закат и сравнивая лучи солнца со струнами лиры, дает характерную для обоих поэтов интерпретацию образа Аполлона.

С. 135. *Гипускоа* — провинция, входящая в состав Страны Басков (северо-восток Испании).

С. 139. *Герен Жорж Морис де* (1810–1859) — французский поэт-романтик.

С. 151. *Сальент* — город в Каталонии, расположен неподалеку от Барселоны (юго-восток Испании).

С. 177. *Бастерра Рамон де*, (1888 — 1930) — испанский поэт (по национальности баск).

С. 181. Вифлеем — в оригинале слово *belen*, означающее «изображение рождения Христа».

С. 201. Это и следующее стихотворение — из цикла «Памятник любви» (*Monumento de amor*; 1916). Цикл создан под впечатлением от комедии Шекспира (1564 — 1616) «Сон и летнюю ночь».

Оберон и Титания — персонажи этой комедии, царь и царица фей и эльфов.

С. 233. Это стихотворение и следующие три — из книги «Дневник поэта-молодожена» (*Diario de un poeta recién casado*; 1917), созданной Хименесом во время его первой поездки в Америку. Поэт отплыл из города Кадис в конце января 1916 года и вернулся в Испанию пять месяцев спустя — в конце июня.

С. 301. *Могер* — город в Андалусии (юго-запад Испании), в котором родился и провел детство Хименес.

Уэльва — портовый город в Андалусии.

Ла-Рабида — старинный монастырь, находящийся неподалеку от Уэльвы.

С. 339. *Минерва* — в римской мифологии покровительница ремесел и искусств; отождествляется с греческой богиней мудрости Афиной: на ее плече изображали сову — символ мудрости.

С. 383. Стихотворением «Реквием» (*Requiem*) в «Третьей поэтической антологии» открывается раздел «На другом берегу» (*En el otro costado*), созданный поэтом в эмиграции.

С. 395. Возможно, стихотворение «Неизменно только одно» (*Pero lo solo*) создано под впечатлением от стихотворения Генриха Гейне (1797 — 1856), широко известного у нас в переводе М. Ю. Лермонтова — «На севере диком стоит одиноко...». Лермонтов несколько изменил смысл стихотворения Гейне. Если верно, что стихотворение Хименеса связано с произведением Гейне, то переводчик испанского поэта пошел «по пути Лермонтова»: дело в том, что и по-немецки, и по-испански слова «сосна» и «пальма» — мужского и женского рода, по-русски они — женского рода. Надо сказать, что Хименес высоко ценил творчество немецкого поэта — книгу «Далекие сады» (*Jardines lejanos*; 1904) он посвятил «бессмертной памяти Генриха Гейне».

С. 441. *Гвадиана* — одна из крупнейших рек Пиренейского полуострова, впадает в Атлантический океан в Андалусии.

С. 445. Стихотворение «Цвет твоей души» (*El color de tu alma*) — последнее в «Третьей поэтической антологии».

СОДЕРЖАНИЕ

В. Андреев. «О страсть моей жизни поэзия...»

Primeras poesías. Первые стихи

1. Alba
1. Па заре. *Перевод А. Гелескула*
2. ¡Adiós!
2. Прощание. *Перевод Б. Дубина*
3. « — ¡Sabremos nosotros, vivos...»
3. « — Найдем ли мы путь, живые...» *Перевод А. Гелескула*
4. Adolescencia («En el balcon, un instante...»)
4. Юность («Мы с тобой одни остались...») *Перевод Н. Горской*
5. Adolescencia («Aquella tarde, al decirle...»)
5. Юность («Когда сказал ей в тот вечер...») *Перевод А. Гелескула*

Arias tristes. Jardines lejanos. Pastorales. Грустные напевы. Далекие сады. Пасторали.

6. «Rio de cristal, dormido...»
6. «Заворожило излуку...» *Перевод Б. Дубина*
 6. «Над слюдою речного плеса...» *Перевод С. Гончаренко*
7. «Mi aima es hermana del cielo...»
7. «Душе все роднее мгlistый...» *Перевод Б. Дубина*

8. «El pastor, lánguidamente...»
8. «Посох держа на плече...» *Перевод А. Гелескула*
9. «¡La otra tarde, se ha llevado...»
9. «Под вечер осенний ветер...» *Перевод С. Гончаренко*
10. «Yo no volvere. Y la noche...»
10. «Я не вернусь. И на землю...» *Перевод А. Гелескула*
 10. «Я не вернусь, и ночью...» *Перевод О. Савича*
11. «Yo dije que me gustaba...»
11. «Я просто сказал однажды...» *Перевод Н. Ванханен*
12. «¡Mañana de primavera!...»
12. «В то утро весеннего дня...» *Перевод П. Грушко*
13. Madrugada («El viento rinde las ramas...»)
13. Рассвет («Баюкая птичью стаю...») *Перевод Б. Дубина*
14. «¿Soy yo quien anda, esta noche...»
14. «Я ли хожу одиночкой...» *Перевод Б. Дубина*
15. « — No era nadie. El agua...»
15. «Не было никого. Вода...» *Перевод О. Савича*
16. «Viento negro, luna blanca...»
16. «Черный ветер. А в черном ветре...» *Перевод С. Гончаренко*
17. «Tu me miraras llorando...»
17. «Ко мне обернешься, плача...» *Перевод А. Гелескула*
18. «Cuando la mujer está...»
18. «Женщина рядом с тобой...» *Перевод М. Самаева*
19. «Tristeza dulce del campo...»
19. «В полях печально и пусто...» *Перевод А. Гелескула*

20. «No es así, no es dp este mundo...»
 20. «Нет, не из этого мира...» *Перевод А. Гелескула*
 21. «La calle espera a la noche...»
 21. «Встречают ночь переулки...» *Перевод А. Гелескула*
 22. «El guarda del sandiag...»
 22. «Сторож гремит на бахче...» *Перевод М. Самаева*
 23. «La luna, como un jigante...»
 23. «Склоном земным исполин...» *Перевод М. Самаева*
 24. «¡Granados en cielo azul!...»
 24. «В лазури цветы граната...» *Перевод А. Гелескула*
 25. «Los caminos del la tarde...»
 25. «Вечерние дороги...» *Перевод А. Гелескула*
 25. «Ночь и ночная дорога...» *Перевод Н. Горской*
 26. «Es el pueblo. Por encima...»
 26. «Селенье. Над темноватой...» *Перевод Н. Горской*
 27. «Como una rueda visible...»
 27. «Одним из колес небесных...» *Перевод А. Гелескула*

Olvidanzas. Baladas de primavera. Elejias.

La soledad sonora.

Забвение. Весенние баллады. Элегии.

Звонкое одиночество.

28. Lluvia de otoño
 28. Осенний дождь. *Перевод С. Гончаренко*
 29. «Creímos que todo estaba...»
 29. «Мы думали, что все на свете...» *Перевод П. Грушко*
 30. Mañana de la cruz
 30. Крестное утро. *Перевод Н. Горской*
 31. Andando
 31. Иду неустанно. *Перевод Н. Горской*

32. El poeta a caballo
 32. Поэт на коне. *Перевод П. Грушко*
 33. «Amo el paisaje verde, por el lado del río...»
 33. «Люблюзеленыйберегсдеревьяминакромке...» *ПереводА.Гелескула*
 34. «En estas horas vagas que acercan a la noche...»
 34. «Этойсмутнойпорой,когдавоздухтемнеет...» *ПереводА.Гелескула*
 35. «¡Infancia! ¿Campo verde, sampanario, palmera...»
 35. «Детство!Луг,колокольня,зеленыеветки...» *ПереводА.Гелескула*
 36. «¡Oh triste coche viejo, que en mi memoria ruedas!...»
 36. «Тывскекатишь,былое,вбеднойстаройкарете...» *ПереводА.Гелескула*
 37. «El viento se ha llevado las nubes de tristeza...»
 37. «Подветромрастаялатучасырая...» *ПереводА.Гелескула*
 38. «Yo no se quien la olvido...»
 38. «Не знаю, кем она забыта...» *Перевод П. Грушко*
 39. «Le he puesto una rosa fresca...»
 39. «Я розу грустную в тот вечер...» *Перевод П. Грушко*
 40. Luna sola
 40. Одинокая луна. *Перевод А. Гелескула*
Arte menor. Poemas agrestes. Laberinto.
Melancolía. Poemas impersonales.
Простое искусство. Деревенские стихи. Лабиринт.
Печаль. Всеобщие стихи.
 41. Otoño ultimo
 41. Конец осени. *Перевод П. Грушко*
 42. Antep primavera
 42. Предвесеннее. *Перевод А. Гелескула*

43. El viaje definitivo
43. Конечный путь. *Перевод А. Гелескула*
44. «Me metí en el arbusto...»
44. «Я погрузился в рощу...» *Перевод Н. Горской*
45. A Antonio Machado
45. К Антонио Мачадо. *Перевод С. Гончаренко*
46. «El tedio del vagón tiene un albor — ¿de donde?..»
46. «Напотолкевагонаразмытыйблик—светает?..» *Перевод Б. Дубина*
47. «Entre nubes dramáticas, surge, sucia, la aurora...»
47. «Беспокойныетучисочатсязарю...» *Перевод Б. Дубина*
48. «Umbría, el agua corre cerca de nuestra alma...»
48. «Омыла нам сердца тенистая вода...»
Перевод А. Гелескула
49. «El alma de las flores divaga entre la lluvia...»
49. «Бродятдушицветовподвечернимдождем...» *Перевод А. Гелескула*
50. A un poeta
50. Поэту. *Перевод В. Андреева*
- Historias. Domingos. El corazón en la mano.**
Bonanza. La frente pensativa.
Истории. Воскресные дни. Сердце в руке.
Затишье. Задумчивое лицо.
51. «El cauce va quedando fuera, con la resaca...»
51. «Русло, ширясь, пустеетототливакотливу...» *Перевод А. Гелескула*
52. «¡Este retrato de niña...»
52. «О, эта девушка в раме!..» *Перевод В. Дубина.*

53. Pirineos
53. Пиренеи. *Перевод Б. Дубина*
53. Пиренеи. *Перевод Н. Горской*
54. Fiesta de pueblo
54. Деревенский праздник. *Перевод Б. Дубина*
55. Carnaval agreste
55. Сельский карнавал. *Перевод А. Гелескула*
56. El pajarito verde («Morado y verde limón...»)
56. Зеленаяптаха («Всебылокисходуня...») *Перевод А. Гелескула*
57. «El recuerdo se va...»
57. «Уходит память...» *Перевод А. Гелескула*
58. Amor («Ten cuidado...»)
58. Любовь («Небудьжеслеп...») *Перевод А. Гелескула*
59. «¡Tardes de los domingos del invierno...»
59. «Воскресныйянварскийвечер...» *Перевод С. Гончаренко*
60. Canción de otoño
60. Осенняя песня. *Перевод С. Гончаренко*
60. Осенняя песня. *Перевод В. Михайлова*
61. El nostálgico
61. В тоске. *Перевод А. Гелескула*
62. Canción agrídulce
62. Горько-сладкая песня. *Перевод С. Гончаренко*
63. Canción de invierno
63. Зимняя песня. *Перевод Н. Горской*
64. «Pintor que me has pintado...»
64. «Художник, ты изобразил...» *Перевод В. Андреева*

Pureza. El silencio de oro. Idilios.

Monumento de amor.

Чистота. Золотое безмолвие. Идиллии.

Памятник любви.

65. «Riegan nuestro jardín. Huele a violetas...»
65. «Сад поливают...» *Перевод В. Дубина*
66. «Fría es la noche y ruga...»
66. «Свежеет ночь, светлея...» *Перевод В. Дубина*
67. «El cordero balaba dulcemente...»
67. «Блеялягенок, малыш-непоседа...» *Перевод Н. Горской*
68. Víspera
68. Благовест. *Перевод А. Гелескула*
69. «Por mi ruina hueca...»
69. «Лишь ветер, затихая...» *Перевод А. Гелескула*
70. «¡Los árboles deslumbrantes...»
70. «Деревья — ярче костра...» *Перевод П. Грушко*
71. Luz ultima
71. Последний луч. *Перевод А. Гелескула*
72. «Tarde ultima y serena...»
72. «Пришел, как жизнь, короткий...» *Перевод С. Гончаренко*
73. «¡Tus dos manos, esperanza...»
73. «Подай мне, надежда, руку...» *Перевод С. Гончаренко*
74. «¡Agua corriente eras...»
74. «Безудержной волной...» *Перевод А. Гелескула*
70. «¡Oh, como me mirabas!...»
75. «О, как ж ты глядела...» *Перевод А. Гелескула*

76. «No lo he tenido más en mí...»

76. «Ты мне принадлежала...» *Перевод А. Гелескула*

77. «Mag en calma, la noche plateada...»

77. «Наморештиль, серебристая ночь...» *Перевод М. Самаева*

Sonetos espirituales. Estío.

Духовные сонеты. Лето.

78. Nada
78. Ничто. *Перевод А. Гелескула*
79. Retorno fugaz
79. Мимолетное возвращение. *Перевод В. Андреева*
80. Octubre («Estaba echado yo en la tierra, enfrente...»
80. Октябрь («Я наземь лег...») *Перевод А. Гелескула*
81. «Se entro mi corazón en esta nada...»
81. «Сердце в пустоте затрепетало...» *Перевод А. Гелескула*
82. Octubre («A través de la paz del agua pura...»
82. Октябрь («Сквозь бирюзу речной зеркальной глади...») *Перевод А. Гелескула*
83. Esperanza
83. Надежда. *Перевод А. Гелескула*
84. «Para quererte, al destino...»
84. «Судьба взяла мое сердце...» *Перевод И. Горской*
85. 17 de julio
85. 17 июля. *Перевод Н. Горской*
86. «Saco mi esperanza, igual...»
86. «Надежду свою, подобно...» *Перевод Н. Ванханен*
87. «Me adelante el corazón...»
87. «Мое сердце ушло вперед...» *Перевод П. Грушко*

88. «Por doquiera, flechas de ogo...»
 88. «Летят золотые стрелы...» *Перевод А. Гелескула*
89. Convalecencia
 89. Выздоровление. *Перевод Б. Дубина*
- Diario de un poeta recién casado. Eternidades.**
Дневник поэта-молодожена. Вечные мгновения.
90. «Clavo débil, clavo fuerte...»
 90. «Гвоздь потоньше, гвоздь потолще...» *Перевод А. Гелескула*
91. «Te deshoje, como una rosa...»
 91. «Тебя, как розу...» *Перевод А. Гелескула*
92. Silencio
 92. Молчание. *Перевод А. Гелескула*
93. ¡Ya!
 93. Ну, наконец! *Перевод М. Самаева*
94. «Tira la piedra de hoy...»
 94. «Камень вчерашнего дня...» *Перевод Н. Ванханен*
95. «Vino, primero, ríga...»
 95. «Впервые она предстала...» *Перевод В. Андреева*
 95. «Сначала явилась в белом...» *Перевод В. Дубина*
 95. «Сначала пришло ланевинной...» *Перевод Н. Горской*
96. «Es verdad ya. Mas fue...»
 96. «Сегодняшняя правда...» *Перевод А. Гелескула*
97. «A la puente del amor...»
 97. «Я снова у моста любви...» *Перевод А. Гелескула*
98. «El dormir es como un puente...»
 98. «Твой сон — как мостовных просторах...» *Перевод П. Грушко*

99. «Te conocí, porque al mirar la huella...»
 99. «Я узнал его, след на тропинке...» *Перевод А. Гелескула*
100. «¡No corras, ve despacio...»
 100. «Неторопись, поскольку в дороге...» *Перевод А. Гелескула*
101. Mendigos
 101. Нищета. *Перевод А. Гелескула*
102. «Se entro en mi frente el pensamiento negro...»
 102. «Явилась черная дума...» *Перевод Н. Ванханен*
103. «Cada choro, al pasarlo...»
 103. «Мимо иду — тополя...» *Перевод В. Андреева*
104. Canción
 104. Песенка. *Перевод А. Гелескула*
105. Muerto
 105. Мертвый. *Перевод А. Гелескула*
106. «Se bien que soy tronco...»
 106. «Я знаю, наверно...» *Перевод М. Самаева*
107. «Yo no soy yo...»
 107. «Я не я...» *Перевод А. Гелескула*
108. «Soy como un niño distraído...»
 108. «Я как бедный ребенок...» *Перевод А. Гелескула*
109. «¡Oh, sí; romper la cora...»
 109. «Ода! Сусилием густую крону...» *Перевод Н. Ванханен*
110. «Esta tan puro ya mi corazón...»
 110. «Давно уже созрело мое сердце...» *Перевод А. Гелескула*

Piedra y cielo. Poesía. Belleza.
Камень и небо. Поэзия. Красота.

111. Madrugada («El niño se queja...»)
111. Рассвет («Младенец заплакал...») *Перевод Н. Горской*
112. «Todo el día...»
112. «На целый день...» *Перевод М. Самаева*
113. La muerte
113. Смерть. *Перевод А. Гелескула*
114. Mares
114. Моря. *Перевод А. Гелескула*
115. Noche
115. Ночь. *Перевод Н. Горской*
116. «Mariposa de luz...»
116. «Светозарная бабочка...» *Перевод В. Андреева*
116. «Бабочка света...» *Перевод А. Гелескула*
117. Nocturno
117. Ноктюрн. *Перевод В. Михайлова*
118. Actualidad
118. Настоящее. *Перевод В. Андреева*
119. «¿Era su voz la fuga del arroyo...»
119. «Быле голосотзвукомручья...» *Перевод А. Гелескула*
120. Amor («Mi corazón estaba...»)
120. Любовь («Мое сердце...») *Перевод В. Андреева*
121. Tarde
121. Вечер. *Перевод В. Андреева*
121. Вечер. *Перевод А. Гелескула*
122. Desvelo
122. Бессонница. *Перевод Н. Горской*

123. Auroras de Moguer
123. Могерские рассветы. *Перевод П. Грушко*
124. «¡Poesía; rocío...»
124. «Поэзия! россыпь росы...» *Перевод Г. Кружкова*
125. «¿Voz mía, canta, canta...»
125. «Пой, голос мой, пой...» *Перевод Г. Кружкова*
126. El desvelado
126. Бессонный. *Перевод Н. Горской*
127. «Me asome a tu dormir...»
127. «К тебе я в сон закрался...» *Перевод А. Гелескула*
128. «¿Que le pasa a una música...»
128. «Что с музыкой...» *Перевод А. Гелескула*
129. El sólo amigo
129. Одинокый друг. *Перевод П. Грушко*
130. El pajarito verde («En el río me voy»)
130. Зеленая птица («Яврекувойду...») *Перевод Н. Горской*
131. Patria
131. Родина. *Перевод Г. Кружкова*
132. «Arraigado...»
132. «Укоренился прочно...» *Перевод Г. Кружкова*
133. «¡Nubá blanca...»
133. «Белое облако вдали...» *Перевод А. Гелескула*
134. Sur
134. Юг. *Перевод А. Гелескула*
135. El pajarito verde («He venido...»)
135. Зеленая птица («Я—здесь...») *Перевод Н. Горской*

136. Mañana en el jardín
 136. Утро в саду. *Перевод С. Гончаренко*
137. Epitafio ideal
 137. Идеальная эпитафия. *Перевод Н. Горской*
138. «¿Te sojí? Yo no sé...»
 138. «Поймал ли тебя? Не знаю...» *Перевод А. Гелескула*
 138. «Что в руке у меня? Я не знаю...» *Перевод В. Михайлова*
139. Mar ideal
 139. Идеальное море. *Перевод Н. Горской*
140. La música
 140. Музыка. *Перевод Н. Горской*
141. Canción
 141. Песня. *Перевод В. Андреева*
 141. Песня. *Перевод Б. Дубина*
142. Minerva
 142. Минерва. *Перевод Н. Горской*
143. Alerta
 143. Бессонница. *Перевод Г. Кружкова*
144. Naturaleza
 144. Природа. *Перевод Н. Горской*
145. «Pajarito sojido...»
 145. «Немая птаха...» *Перевод А. Гелескула*
146. Rosas
 146. Розы. *Перевод А. Гелескула*
147. Puerto
 147. Пристань. *Перевод А. Гелескула*
148. La obra
 148. Творение.. *Перевод М. Самаена*

**La estación total.
 Все времена года.**

149. Las flores bajo el rayo
 149. Цветы в грозу. *Перевод С. Гончаренко*
150. Renaceré yo
 150. Вернусь я. *Перевод М. Самаева*
151. La felicidad
 151. Счастье. *Перевод М. Самаева*
152. La estrella venida
 152. Пришедшая звезда. *Перевод Н. Горской*
153. Viento de amor
 153. Ветер любви. *Перевод А. Гелескула*
154. La perdida
 154. Утрата. *Перевод А. Гелескула*
155. Mi triste ansia
 155. Моя бедная тоска. *Перевод А. Гелескула*
156. Valle tranquilo
 156. Тихая долина. *Перевод А. Гелескула*
157. Es mi alma
 157. Это моя душа. *Перевод Н. Горской*
158. Huir azul
 158. Синее бегство. *Перевод А. Гелескула*
159. Redondez
 159. Полнота. *Перевод А. Гелескула*
160. Ráfaga
 160. Молния. *Перевод Н. Горской*

**En el otro costado. Una colina meridiana.
Rios que se van.
На другом берегу. Полуденный холм.
Реки, что уходят.**

161. Requiem
161. Реквием. *Перевод В. Андреева*
162. País súbito
162. Внезапная страна. *Перевод Г. Кружкова*
163. Los pájaros de yo sé dónde
163. Я знаю, откуда птицы... *Перевод Н. Горской*
164. Navegante
164. Мореплаватель. *Перевод Г. Кружкова*
165. Pero lo solo
165. Неизменно только одно. *Перевод В. Андреева*
166. Este perro
166. Эта собака. *Перевод Н. Горской*
167. Con iris
167. С радугой. *Перевод Н. Горской*
168. Mas alla que yo
168. Дальше, чем я. *Перевод Н. Горской*
169. Pinar de la eternidad
169. Сосны вечности. *Перевод А. Гелескула*
170. Carmín fijo
170. Извечный кармин. *Перевод Н. Горской*
171. La noche mejor
171. Лучшая ночь. *Перевод А. Гелескула*
172. Arboles hombres
172. Деревья-люди. *Перевод Н. Горской*

173. El más fiel
173. Самый подлинный. *Перевод А. Гелескула*
174. Preguntas al residente
174. Вопросы к живущему. *Перевод М. Самаева*
175. Niño último
175. Последний ребенок. *Перевод В. Андреева*
176. Mudo Universo que me cercas
176. Безмолвное мироздание, ты, что меня окружаешь.
Перевод В. Андреева
177. En esa luz
177. «...Знаю, стала ты светом...» *Перевод А. Гелескула*
178. Colores; ideas
178. Цвета; идеи. *Перевод Н. Горской*
179. Sólo tú
179. Ты одна... *Перевод В. Андреева*
180. Mi Guadiana me dice
180. Говорит мне река Гвадиана. *Перевод А. Гелескула*
181. Este inmenso Atlántico
181. Эта безбрежная Атлантика. *Перевод А. Гелескула*
182. El color de tu alma
182. Цвет твоей души. *Перевод В. Андреева*

Приложение
Примечания

Литературно-художественное издание

Хуан Рамон Хименес

ВЕЧНЫЕ МГНОВЕНИЯ

Составитель *Виктор Андреев*

Ответственные редакторы

Сергей Степанов и Александр Кононов

Редактор *Сергей Степанов*

Художественный редактор *Вадим Пожидаев*

Технический редактор *Татьяна Тихомирова*

Корректоры *Галина Мартыанова, Анастасия Келле-Пелле*

Верстка *Елены Черновой*

Подписано к печати с оригинала-макета 03.12.93.

Формат 70X100 1/32. Гарнитура обыкновенная новая.

Печать офсетная. Усл. меч. л. 19,35. Тираж 25 000 экз.

Изд. № 333. Заказ № 592.

Издательство «Северо-Запад»

191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул. 18

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»

197110, Санкт-Петербург. Чкаловский пр. 15